

П. ВИКТОРОВ

ГИГИЕНА
И
ЭТИКА
БРАКА.

A
285

251

A 285
251
34

Л. Л. Викторъ.

Гигіена и Этика брака

въ связи съ вопросомъ

о половой жизни юношества.

Издание

К. Тихомирова.

1904.

Д 285
Д 251
П. П. Викторовъ.

Гигіена и Этика брака

въ связи съ вопросомъ

О ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ ЮНОШЕСТВА.

Издание К. Тихомирова.

1904.

Дозволено цензурою Москва, 21 февраля 1904 года.

МОСКВА.

Типо-литографія „Русскаго Товарищества печати. и издат. дѣла“.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.

1904.

2011109030

Предисловіе.

Настоящее изданіе есть вторая изъ двухъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ мною, съ нѣкоторыми неизбѣжными ограниченіями текста въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, при переполненной аудиторіи. Являясь естественнымъ продолженіемъ и заключеніемъ первой изъ прочитанныхъ бесѣдъ „Новый взглядъ на природу любви и брака“, она представляетъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне законченное цѣлое, такъ какъ все необходимое для связи съ первой лекціей здѣсь повторено. Интересующіеся же первой бесѣдой, найдутъ ее во второмъ выпускѣ „Ученія о Личности“, гдѣ она становится на свое мѣсто, какъ заключительная глава о природѣ чувствъ (эмоцій).

Слѣдующая бесѣда, готовяемая нами для публичнаго прочтенія и обнародованія въ печати, подробно касается вопроса о „Половой жизни юншества и мѣрахъ воспитанія“, затронутого здѣсь лишь попутно и отчасти. Въ общемъ нами намѣченъ цѣлый рядъ подобныхъ бесѣдъ, какъ увидить читатель изъ хода изложенія.

Для тѣхъ, кому могутъ показаться публичныя бесѣды на подобныя темы слишкомъ смѣлыми и рискованными, замѣтимъ, что ученики среднихъ учебныхъ заведеній на нихъ не допускаются; эти бесѣды предназначаются главнымъ образомъ для родителей и взрослого юншества и преимущественно посѣщаются ими.

Тѣмъ не менѣе родители, воспитатели, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній не сдѣлали бы большой ошибки, если бы, сломивъ предразсудокъ, взяли на себя трудъ во-время знакомить своихъ питомцевъ, примѣняясь къ требованіямъ ихъ индивидуальности, пола и возраста, съ печальными послѣдствіями нравственнополового растлѣнія, прежде нежели ихъ питомцы успѣютъ отравиться порнографіей современной литературы, искусства и бульварной газетной прессы.

Содержаніе.

I.

Стр.

Неестественность и психоорганическій вредъ преждевременной и невоздержной половой жизни до брака и въ самомъ бракѣ.	7
---	---

II.

Бракъ, какъ естественное установленіе самой природы и семья, какъ основа совершенствованія чловѣка и общества.	40
--	----

I.

Неестественность и психоорганический вред преждевременной и невоздержной половой жизни до брака и въ самомъ бракѣ.

Приступая къ столь важному вопросу, какъ гигиена брачныхъ отношеній, который мнѣ предстоитъ освѣтить съ новой точки зрѣнія, я долженъ напередъ оговориться, что далека отъ мысли предписывать какія-либо частныя правила и наставленія. Попутно тамъ, гдѣ это нужно, я укажу въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе надежные источники, оставляя за собою право вернуться къ этому вопросу подробнѣе впоследствии. Въ настоящій же моментъ моей главной задачей является вывести основныя гигиеническія приложенія изъ развиваемаго мною новаго взгляда на органическую природу полового общенія *) и остановиться на тѣхъ вопросахъ половой этики, которые имѣютъ особенное значеніе для настоящаго времени, какъ, напр., вопросъ о сохраненіи добрачнаго цѣломудрія.

*) Интересующихся спеціальной стороною новаго взгляда отсылаю къ трудамъ—*Cabanis'a*, *Brown-Séguard'a*, проф. А. Ф. Брандта и моимъ, въ которыхъ послѣдовательно выдвигается идея о важномъ значеніи для развитія организма и поддержанія его здоровья внутренняго и внѣшняго отдѣленія половыхъ железъ. См.:—1) *Rapports du physique et du moral de l'homme*, par P. I. G. *Cabanis*, nouvelle édition. Paris 1867, 5-e mémoire. De l'influence des sexes sur le caractère des idées et des affections morales; 2) *Brown-Séguard*. Des effets produits chez l'homme par les injections souscutanées d'un liquide retiré des testicules frais de cobaye et de chien. *Comptes Rendus de la Société de Biologie*, t. 1, № 24, p. p. 416—419 и послѣдующія сообщенія знаменитаго ученаго; 3) А. Ф. Брандтъ. Биологическія соображенія.

Какіе главные элементы входят въ основу брачнаго общенія? Этихъ элементовъ двѣ группы. Психическая группа: *половое влеченіе*, *любовь* какъ идеальное выраженіе полового инстинкта, и *наслажденіе*. Органическая группа: взаимное питаніе черезъ половое общеніе, и оплодотвореніе (зачатіе, приплодъ). Съ современной научной точки зрѣнія элементы обѣихъ группъ, психической и органической, тѣсно связаны между собой, идутъ параллельно другъ другу, ихъ нельзя раздѣлить въ живой природѣ предмета, а если раздѣляютъ, то лишь ради изученія. Кромѣ того, при нормальномъ половомъ общеніи ни одинъ изъ этихъ элементовъ не долженъ идти въ ущербъ другому. Въ этомъ собственно и должна состоять гигиена и этика брака, какъ норма поведенія, основанная на соблюденіи законовъ, указанныхъ самой природой. Самый выдающійся элементъ полового общенія, являющійся его украшеніемъ и приманкой, есть наслажденіе. Извѣстный французскій фізіологъ Бони въ своей книгѣ „Внутреннія ощущенія“ *) описываетъ психо-фізіологическую картину полового наслажденія, но мы не послѣдуемъ за нимъ.

Элементъ влеченія къ половому общенію и элементъ питанія чрезъ половое общеніе лучше всего разсмотримъ вмѣстѣ.

Психо-фізіологическая картина полового влеченія требуетъ особо тонкаго различенія. Оно сказывается въ сознаніи извѣстнаго рода алканіемъ, своеобразнымъ чувствомъ полового голода, которое не нужно смѣшивать съ притокомъ периферическихъ раздраженій, связанныхъ съ напряженіемъ

По поводу книги д-ра П. П. Викторова. (Врачъ, 1893, №№ 35 и 38); 4) *Д-ръ П. П. Викторовъ*. Половое общеніе, какъ актъ взаимнаго питанія (докладъ, читанный мною въ качествѣ предварительнаго сообщенія въ „Харьковскомъ Обществѣ научной медицины и гигиены“ осенью 1902 г. и разросшійся въ настоящее время въ отдѣльно печатаемое изслѣдованіе). Изъ этихъ источниковъ компетентный читатель можетъ убѣдиться, что новый взглядъ на природу полового, а слѣдовательно и брачнаго общенія, въ окончательномъ видѣ высказанный мною, имѣетъ свою весьма поучительную исторію и развитие.

*) Les sensations internes par Beaunis. Paris 1889.

и раздраженіемъ самихъ половыхъ органовъ. Это совершенно два разныхъ явленія и ихъ нужно строго различать.

Половое алканіе, половой голодъ есть желаніе что-то отыскать, съ чѣмъ-то соединиться, что-то взять и чѣмъ-то насытиться. Половое влеченіе въ тѣсномъ смыслѣ слова есть желаніе освободиться отъ напряженія и раздраженія половыхъ органовъ, отдать избытокъ другому или просто выпустить его въ среду. Это какъ бы два встрѣчныхъ потока, два встрѣчныхъ желанія съ взаимно обратнымъ направленіемъ. Они могутъ сочетаться между собою, возникая одновременно, акомпанируя другъ другу и взаимно усиливая другъ друга. Они могутъ возникать и раздѣльно. Обыкновенно это такъ и бываетъ и половой голодъ нерѣдко предшествуетъ половому раздраженію и влеченію въ мѣстномъ смыслѣ слова. Оба элемента, спаиваясь, выступаютъ въ сознаніи, смотря по индивидуальности и культурности субъектовъ, то подъ формой грубой половой потребности, то подъ болѣе утонченной формой любви.

Оба элемента, которые различены нашимъ анализомъ, являются преддверіемъ къ половому общенію, какъ акту взаимнаго питанія, при чемъ первый элементъ—половой голодъ—отвѣчаетъ моменту питанія себя, второй—мѣстное половое напряженіе и влеченіе къ освобожденію отъ мѣстнаго раздраженія—моменту питанія другого.

Но чѣмъ же выражается психо-физиологическая картина самого полового питанія? Какъ скрытый органическій процессъ, оно, наряду съ остальными органическими процессами растительнаго характера, не имѣетъ субъективнаго отраженія въ сознаніи и можетъ быть подтверждено лишь путемъ научныхъ доказательствъ. Но какъ результатъ, какъ сумма уже закончившагося процесса, оно заявляетъ себя въ сознаніи извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенности и насыщенія, подобно удовлетворенію и насыщенію при обыкновенномъ голодѣ, что сказывается уже по окончаніи самого акта полового общенія. Характернымъ мѣстнымъ признакомъ такого состоянія является вездѣ прочимъ ощущеніе разливающейся

пріятной теплоты и наполненія въ нижней части живота въ связи съ ощущеніемъ облегченія въ самыхъ половыхъ органахъ. Со стороны общаго самочувствія и настроенія — пріятность и бодрость, если не было излишествъ, а отдыхъ былъ достаточенъ *).

Элементъ оплодотворенія и зачатія имѣетъ мѣсто только для женщины и сказывается въ свою очередь, какъ результатъ или послѣдствіе, въ извѣстныхъ признакахъ беременности, замѣтно измѣняющихъ физиологическое и душевное состояніе женщины. Самое же оплодотвореніе и зачатіе вовсе не ощущается. Это видно изъ того обстоятельства, что даже завѣдомо забеременѣвшія женщины, все еще въ нерѣшительности ждутъ появленія регуль, которыя, какъ извѣстно, съ беременностью прекращаются.

На этомъ мы и закончимъ описаніе психо-физиологической картины названныхъ элементовъ полового общенія. Большихъ подробностей для нашей цѣли здѣсь не требуется *). Для насъ важнѣе нормальное отношеніе этихъ элементовъ къ физическому и душевному здоровью, что и составляетъ гигиену половыхъ и брачныхъ отношеній.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, возникаетъ движеніе у насъ и за границей—въ Скандинавіи оно идетъ подъ флагомъ Вьёрнстьерне-Бьёрнсона—противъ нарушенія цѣломудрія мужчиной до вступленія въ бракъ. Нельзя не признать, что это одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ половой гигиены, разрѣшеніе котораго будетъ блестящимъ завоеваніемъ этики XX вѣка. А пока это блестящее завоеваніе совершается,—до него во всякомъ случаѣ очень далеко—мы желали бы указать сторонникамъ этого движенія, что въ новой научной теоріи они найдутъ весьма надежную точку

*) Подробности, объясняющія въ чемъ состоитъ механизмъ полового питанія см. въ послѣдней главѣ 2-го выпуска „Ученія о личности“ (1904):—*Новый взглядъ на природу любви*, а также въ имѣющей выйти монографіи „Половое общеніе, какъ актъ взаимнаго питанія“.

опоры. Это тѣмъ важнѣе для нихъ, что новая теорія возникла изъ самаго хода науки, помимо всякихъ этическихъ соображеній и подлаживанія подъ тѣ или другія общественныя настроенія и нравственныя ученія.

Въ самомъ дѣлѣ изъ самой основы этой теоріи вытекаетъ, что природа нисколько не требуетъ отъ юноши необходимости вступать въ половое общеніе тотчасъ по достиженіи половой зрѣлости, а тѣмъ болѣе до нея, какъ нерѣдко теперь это бываетъ. Напротивъ сперминъ—назовемъ такъ половой ферментъ, вырабатывающійся въ половыхъ железахъ, за немѣніемъ лучшаго термина, не смѣшивая, однако, этого дѣйствующаго начала съ искусственно изготовляемымъ сперминомъ—существенно необходимъ организму самого юноши. Организмъ юноши или дѣвушки—въ данномъ случаѣ это все равно,—получаетъ извѣстный запасъ спермина при зачатіи отъ своихъ родителей, далѣе съ молокомъ матери или кормилицы. Этихъ запасовъ, этой, такъ сказать, первой прививки, ему хватаетъ до того времени, пока не начнутъ развиваться половыя железа и въ нихъ созрѣвать собственный сперминъ. Приостановка въ развитіи такого важнаго органа, какъ гортань—отъ недоразвитія ея можетъ зависѣть въ свою очередь недоразвитіе груди и грудныхъ органовъ,—наблюдающаяся у кастратовъ, оскорожденныхъ въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, не фантазія, а положительный фактъ. Этотъ фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ о томъ, на что нуженъ собственный сперминъ организму юноши или дѣвушки. На основаніи этого факта съ положительностью утверждаемъ, что, при содѣйствіи того же спермина, завершается и весь дальнѣйшій ростъ и физическое развитіе организма. Поэтому-то оба момента раздвинуты между собой: завершеніе половой зрѣлости предшествуетъ завершенію зрѣлости физической. Весьма вѣроятна такая же зависимость въ завершеніи развитія мышечной и нервной системы и главнаго узла послѣдней—головного мозга, со всѣми особенностями и различіями темперамента, ума и характера, присущими каждому полу, при чемъ индивидуальныя особенности каждаго

пола, приобретённые въ періодъ половой зрѣлости, зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей полового фермента юноши и дѣвушки. На такую зависимость указывалъ еще Кабанисъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ: „*Rapports du physique et du moral de l'homme*“ Та же зависимость подтверждается еще тѣмъ неоспоримымъ наблюденіемъ надъ скопцами, что, при кастраціи мальчиковъ и дѣвушекъ въ юномъ возрастѣ, развиваются какъ бы существа средняго пола, лишеныя такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, напр., юноши — усовъ и бороды, дѣвушки — грудныхъ железъ, и потому похожія другъ на друга.

И вотъ въ этотъ-то періодъ, когда еще не закончены процессы роста и органическаго формировація, мужская молодежь необдуманно расточаетъ свои половыя силы, сперва въ видѣ извѣстнаго порока (меньшинство), затѣмъ въ видѣ преждевременныхъ и скороспѣлыхъ половыхъ сношеній и, что хуже всего, сношеній съ публичными и вообще развратными женщинами. При сношеніяхъ съ этого рода женщинами не можетъ быть и рѣчи о томъ вознагражденіи сѣменныхъ потерь, которое, согласно новому взгляду, достигается при нормальномъ половомъ общеніи черезъ взаимобмѣнъ. Публичная женщина кромѣ того, что постоянно угрожаетъ привить своему партнеру или перелой или дурную болѣзнь, еще въ изобиліи размѣнивается съ нимъ испорченными соками, которые далеко не безразличны для здоровья. Въ этомъ отношеніи мы наканунѣ того, чтобы признать особенный видъ зараженія, которое, за неимѣніемъ подходящаго термина, можно было бы назвать физиологическимъ. Оно проявляется тѣмъ, что субъектъ послѣ сношенія съ публичной женщиной чувствуетъ общую разбитость и усталость, вмѣсто освѣжающей бодрости отъ нормальнаго сношенія. Сначала онъ относитъ это состояніе къ мнительности, къ опасеніямъ — не заразился ли дурной болѣзью. Но проходитъ довольно долгое время, опасеніе зараженія совершенно миновало, а состояніе разбитости и недомоганія остается, какъ у отравленнаго. Когда такой больной

заявляется къ врачу, врачъ невольно задается вопросомъ — что это такое? Къ сожалѣнію, врачъ готовъ отнести подобное состояніе на счетъ чего угодно, — мнительности, ипохондріи, самовнушенія, наконецъ половой неврастеніи, психопатизма, — особенно если это врачъ нервныхъ болѣзней, но истинная причина ему никогда не приходитъ въ голову. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ возможность подробнѣе изучить подобное болѣзненное состояніе въ одномъ типическомъ случаѣ, — то былъ студентъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ — я сталъ тщательнѣе приглядываться къ половой сферѣ больныхъ и отношеніямъ ихъ половой жизни къ ихъ здоровью. И по временамъ мнѣ кажется, — говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ, — что я вижу много отравленныхъ этого рода не только среди завѣдомо больныхъ, но и среди, повидимому, здоровыхъ.

Если такъ, то какой же злой рокъ толкаетъ молодежь въ зловонную и пагубную клоаку полового общенія съ публичными женщинами? Такъ называемая половая потребность, поллюціи, опасеніе, что половое воздержаніе вредно для здоровья?

Но поллюціи у юношей совершенно нормальное, физиологическое явленіе, подобно регуламъ у дѣвушекъ. Посредствомъ поллюцій, такъ же какъ и посредствомъ регулъ, организмъ освобождается отъ раздражающаго избытка собственного спермина. *Это-то именно обстоятельство — избытокъ собственного спермина — надолгое время застраховываетъ юношу отъ проявленій истиннаго полового голода, какъ потребности въ сперминѣ отъ существа другого пола.* Въдѣ прежде чѣмъ наступитъ истинная пора освѣжающаго обмѣна ферментами между существами разнаго пола, — нужно, чтобы у каждаго изъ нихъ вполнѣ вызрѣли и подготовились къ нормальному отправленію половыя железы и ихъ отдѣленія. Истинный половой голодь есть родовое чувство позыва не только къ собственному обновленію, но вмѣстѣ къ возобновленію расы и продолженію потомства. Его нельзя смѣшивать съ такъ называемой половой потребностью, т.-е. съ мѣстнымъ раз-

драженіемъ половой сферы, которое вызывается у мужчины переполненіемъ сѣменныхъ пузырьковъ и набуханіемъ сѣменныхъ канатиковъ. Настоящимъ образомъ онъ проявляется только въ бракѣ, послѣ того, какъ уже вполне завершилась не только половая, но и физическая зрѣлость,—когда организмъ уже нѣсколько притупился къ воздѣйствію собственнаго фермента и когда безъ размѣна ферментами между обоими полами грозитъ наступить преждевременное увяданіе того и другого. Надежнымъ признакомъ полового голода является половая любовь, т.-е. проявленіе такой органической взаимности между вступающими въ половое общеніе, которая любить не только самое общеніе, но напередъ и безраздѣльно любить также и то, что, въ силу законовъ природы, можетъ явиться его результатомъ, т.-е. рожденіе ребенка. Но прежде чѣмъ наступитъ истинный половой голодъ, разрѣшающійся половой любовью въ бракѣ, проходитъ довольно длинный промежутокъ времени, характеризующійся идеальными предвѣстниками половой любви. У *болѣе тонкихъ и одаренныхъ натуръ* идеальные элементы—не забудемъ этого обстоятельства,—разрастаются какъ бы въ самостоятельную эмоцію, облекающую органическое ядро, и составляютъ то, что мы не совсѣмъ правильно называемъ „чистой любовью“, со всей прелестью и очарованіемъ ея поэтической атмосферы, сотканной изъ неопредѣленныхъ порывовъ, иллюзій, мечтаній и грезъ. И хотя идеальная любовь есть какъ бы поверхность и преддверіе къ половой любви, она, какъ извѣстно, въ свою очередь надолго отвлекаетъ юношу и дѣвушку отъ грубыхъ половыхъ вождѣленій. Можетъ быть, природа нарочно такъ заманчиво и прихотливо тклетъ эту идеальную оболочку, вызывая отвлеченіе въ психическую сторону, чтобы тѣмъ незамѣтнѣе и полнѣе вырѣзало органическое ядро половой любви, зажигающей новую жизнь.

Итакъ, во весь долгій періодъ отрочества и юношества, въ общемъ занимающій около 10 лѣтъ (отъ 13, 15 до 25), пока не завершится: половая, физическая, отчасти психи-

ческая зрѣлость, воздержаніе не только не можетъ повредить здоровью, напротивъ оно существенно необходимо для нормальнаго и безпрепятственнаго развитія самого организма. И это одинаково вѣрно, какъ съ точки зрѣнія новаго въ наукѣ взгляда на значеніе половой сферы для роста и развитія всего организма, такъ даже съ точки зрѣнія всѣхъ здравомыслящихъ врачей старой школы, которыхъ еще не коснулась новая теорія. Наконецъ, въ подтвержденіе мнѣ достаточно сослаться на книгу д-ра Левенфельда „Половая жизнь и находящаяся въ связи съ ней нервныя болѣзни“ (3-е изд.), въ которой приведены новыя данныя. На основаніи своихъ наблюденій и цѣлаго ряда другихъ авторовъ, — среди которыхъ встрѣчаются имена Эйленбурга, Гегара, Фюрбрингера, Крафтъ-Эбинга, Гоуэрса, Риббинга и др. — Левенфельдъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Мужчина съ нормальной половой наслѣдственностью, у котораго сила сопротивленія чувственно-возбуждающимъ вліяніямъ не ослаблена половыми излишествами,^{*} можетъ переносить, безъ замѣтныхъ стѣсненій, даже длительное (dauernd) воздержаніе, при трудовомъ, гигиенически-упорядоченномъ образѣ жизни. Въ общемъ воздержаніе безъ сомнѣнія тѣмъ легче, чѣмъ послѣдовательнѣе оно проводится при всѣхъ обстоятельствахъ“ *). Не станемъ скрывать однако, — при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напр., при нервномъ и душевно-болѣзненномъ предрасположеніи, — воздержаніе у мужчины можетъ оказать вредное вліяніе на его нервную систему, вызывая приступы страха, сердцебіенія, ночныя и даже дневныя поллюціи, навязчивыя представленія и даже галлюцинаціи эротическаго содержанія, напр. видѣнія голыхъ женщинъ и т. п. Но, какъ подтверждаетъ тотъ же авторъ, — „разстройства, вызываемыя половымъ воздержаніемъ, никоимъ образомъ не принадлежатъ къ тяжелымъ и лишь рѣдко — можно сказать въ исключительныхъ случаяхъ — ими причиняются

^{*}) Стр. 42 русск. перев. д-ра Лурье. Изъ жур. „Современная медицина и гигиена“. СПБ. 1903.

дѣйствительно серьезныя страданія нервнаго и психическаго характера“, каковы половая нейрастенія, *satyriasis* *), эротоманія у мужчины и нимфоманія у женщинъ съ импульсивнымъ влеченіемъ къ извращеннымъ половымъ дѣйствіямъ... Тѣмъ не менѣе все это не подходитъ къ огромному большинству нормальныхъ, здоровыхъ мужчинъ и юношей, у которыхъ половая сфера и воображеніе не подвергались искусственному раздраженію, какъ въ томъ убѣждаютъ насъ и собственныя наши наблюденія. Правда, съ точки зрѣнія новой теоріи, продолжительное воздержаніе ведетъ въ свою очередь къ неудобствамъ, вызывая извѣстнаго рода полнокровіе (плетора) и нервно-психическое перенапряженіе, зависящее отъ пресыщенія крови внутренними отдѣленіями сѣменныхъ железъ. Но это обстоятельство имѣетъ значеніе вовсе не для юношей, а для крѣпкихъ женатыхъ мужчинъ почему-либо временно прерывающихъ правильную супружескую жизнь, въ случаяхъ болѣе или менѣе продолжительной разлуки и т. п. Не будучи нисколько вреднымъ для вполне *нормального мужчины*,—нейропатовъ и психопатовъ оставимъ въ сторонѣ,—воздержаніе этого рода, напротивъ, служитъ вѣрнымъ залогомъ супружескаго счастья, такъ какъ берегаетъ ту энергію, отъ которой зависитъ мощь и поэзія брачнаго ложа.

Значить не требованія природы толкаютъ юношество къ преждевременной и невоздержанной тратѣ половыхъ силъ, а скорѣе закоснѣлый мужской предразсудокъ, нерѣдко поддерживаемый самими родителями и врачами, и кромѣ того заражающее дѣйствіе дурнаго примѣра взрослыхъ и товарищей и вообще безнравственныхъ общественныхъ вліяній (уличное и общественное распутство, порнографія въ увесе-

*) Въ одномъ моемъ случаѣ у пожилого вдовца развился *satyriasis* съ послѣдующей полной импотенціей, вслѣдствіе воздержанія при условіи постояннаго страстнаго возбужденія и невозможности вступить въ нормальное половое общеніе (больной имѣлъ несчастье полюбить близкую родственницу, откуда нравственная борьба). Этотъ упорный случай оказался, однако, излѣчимымъ

леніяхъ, искусствѣ и литературѣ), преждевременное употребленіе спиртныхъ напитковъ (никогда не слѣдуетъ забывать мудраго изрѣченія древняго поэта „Sine Baccho friget Venus“). Какъ предохранить юношество отъ дурныхъ внушеній окружающей среды—это вопросъ соціальной педагогики, требующій отдѣльной разработки,—а пока замѣтимъ, что рекомендуемое молодежи сохраненіе цѣломудрія до брака,—не есть проповѣдь безусловнаго воздержанія на всю жизнь, или полового аскетизма, что было бы нелѣпостью. Теперь посмотримъ, къ чему ведетъ невоздержаніе. Уже изъ предыдущаго видно, каковы будутъ его послѣдствія для юношества, начинающаго преждевременно вести безпорядочную и расточительную половую жизнь. Вѣрнѣе-Бѣрнсонъ приводитъ любопытную историческую справку, „что у саксовъ, предковъ теперешнихъ англичанъ, былъ законъ, который вмѣнялъ въ обязанность молодымъ людямъ сохранять цѣломудріе до 25 лѣтъ, чтобы, какъ говорилось тогда,—имѣть больше мужской силы и болѣе высокій ростъ“. Значитъ наблюдательность и здравый смыслъ этого древняго племени уже давно подмѣтили то соотношеніе, объясненіе которому подыскиваетъ современная наука. Тацитъ въ своемъ описаніи „Нравовъ германцевъ“,—при дальнѣйшей разработкѣ нашей темы мы будемъ обильнѣе приводить источники этого рода,—говоритъ: „Венера медлитъ для молодыхъ людей и, благодаря этому, не истощается ихъ возмужалость. И дѣвушки не спѣшать: два пола, равно молодыхъ, равно сильныхъ, равно подобранныхъ подъ стать другъ другу и крѣпкихъ. соединяются и дѣти наследуютъ крѣпость родителей“*)

Современная біологическая наука въ лицѣ новой теоріи идетъ навстрѣчу этимъ краснорѣчивымъ фактамъ.

Наблюдая болѣе или менѣе обширные круги мужской молодежи, мы обыкновенно безъ особеннаго труда узнаемъ,

*) „Sera juvenum Venus eoque inexhausta pubertas, nec virgines festinantur; eadem juvenia, similis proceritas, pares validaeque miscentur; ac robora parentum liberi referunt“. Oeuvres compl. de Tacite. Trad. nouvelle de Charl. Louandre, T. II, p. 431.

кто уже начал вести преждевременную половую жизнь и въ особенности тѣхъ, кто успѣлъ достаточно развратиться. Въ свободные часы и въ подходящихъ, по большей части уличныхъ мѣстахъ, они обыкновенно поджидаютъ женскій полъ и, завидя издали проходящихъ дѣвушекъ и женщинъ, стараются пропустить ихъ мимо себя, становясь кучками или шеренгами. По ихъ двусмысленнымъ взглядамъ и улыбкамъ, по отдѣльнымъ циническимъ замѣчаніямъ, произносимымъ громко и не стѣняясь, сразу видно, въ чемъ тутъ дѣло. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя дѣвушки и даже молодые замужнія женщины настолько наивны, что невольно задерживаютъ шагъ, какъ бы собираясь выслушать очень лестный комплиментъ; другія же, воображеніе которыхъ достаточно загрязнено, и сами не прочь выслушать сомнительные комплименты; и только третія, болѣе цѣломудренныя и воспитанныя, бѣгутъ какъ заразы отъ такихъ сборищъ мужской молодежи. Но этимъ, сравнительно невиннымъ „пропусканіемъ сквозь строй“, далеко не ограничивается дѣло. Случается, и въ столицахъ это особенно не рѣдкость, — что молодые люди, подталкиваемые уже распушеннымъ половымъ инстинктомъ, теряя всякое чувство различія и не довольствуясь продажными женщинами, открыто преслѣдуютъ молодыхъ дѣвушекъ, съ извѣстными цѣлями и при томъ настолько откровенно, что дѣло доходитъ до столкновеній и вмѣшательства полиціи. Въ этомъ отношеніи „подвиги“ извѣстной части молодежи, если и отличаются отъ такихъ же подвиговъ босяковъ, то лишь степенью и формами насилія, сущность же печальнаго явленія одна и та же.

Такимъ образомъ діагностика преждевременной половой жизни молодыхъ людей становится открытой для всѣхъ и намъ только остается сосредоточиться на болѣе глубокихъ проявленіяхъ этой безстыдной, въ настоящее время болѣе нескрываемой, общественной болѣзни.

Всмотритесь прежде всего въ лицо и во весь наружный обликъ молодыхъ людей этого сорта. Вглядитесь въ ихъ мимику, жесты, позы. Вслушайтесь, наконецъ, въ ихъ разговоры между собою и въ особенности въ то, какъ они

разговариваютъ съ женщинами и о женщинахъ и вы не замедлите убѣдиться, что на всемъ этомъ лежитъ тотъ неизгладимый отпечатокъ пошлости, для измѣренія которой въ наукѣ нѣтъ чувствительныхъ приборовъ, но которая непосредственно ощущается всякимъ свѣжимъ наблюдателемъ, которому совершенно чужда половая распущенность съ ея низмѣнными навыками. Первая мысль, которая невольно является у васъ при встрѣчѣ съ такими молодыми людьми,—мы имѣемъ въ виду, конечно, наиболѣе распущенные экземпляры,—это то, что вы не желали бы подобнаго знакомства для вашей семьи и въ особенности для вашихъ сыновей и дочерей.

Отъ этихъ впечатлѣній повседневнаго опыта обратимся къ положительнымъ наблюденіямъ. Въ этомъ отношеніи въ наукѣ имѣется одинъ весьма цѣнный документъ, заслуживающій нашего особеннаго вниманія. Цѣнность этого документа увеличивается вдвойнѣ во-первыхъ, потому, что онъ принадлежитъ врачу и сдѣланнымъ имъ надъ самимъ собой наблюденіямъ; во-вторыхъ, эти наблюденія или, точнѣе, самонаблюденія, касаются не какого-нибудь пошляка въ типѣ вышеописанной нами картины, а вполне порядочнаго человека, горько сожалеющаго о томъ, что и ему, подобно большинству молодежи, въ свое время пришлось вести безпорядочную половую жизнь до брака. По понятнымъ причинамъ, этотъ единственный въ своемъ родѣ документъ авторскимъ именемъ не подписанъ.¹⁾

Прежде всего авторъ справедливо сѣтуетъ, что столь важная сторона, какъ половая жизнь человека, совершенно обходится молчаніемъ и какъ бы не считается достойной вниманія въ нашихъ медицинскихъ учебникахъ. „Физиологія и гигиена,—говоритъ онъ,—выработавшія основанія и даже довольно точныя нормы для правильнаго питанія человека, въ то же время ни однимъ словомъ не обмолвливаются о

*) *Врачъ*. 1894 №№ 1, 2. Къ вопросу о половыхъ сношеніяхъ.

нормахъ для половой жизни, которыя, конечно, не менѣе важны, чѣмъ нормы для питанія“.

То же, что сказано здѣсь о медицинскихъ учебникахъ, слѣдуетъ сказать и о медицинскихъ лекціяхъ для студентовъ. По крайней мѣрѣ, за послѣднія 20 лѣтъ, не было слышно, чтобы гдѣ-либо у насъ профессоръ физиологіи или гигиены, наконецъ, венерическихъ болѣзней, прочелъ студентамъ или обществу лекцію о нормахъ и ненормальностяхъ половой жизни.

Затѣмъ авторъ не безъ труда находитъ во всей специальной нашей литературѣ тоже единственную въ своемъ родѣ работу д-ра Козакевича. „Половая дѣятельность усиливаетъ потребленіе азотистыхъ веществъ въ тѣлѣ“, напечатанную много лѣтъ тому назадъ въ „Современной медицинѣ“ *), издававшейся проф. А. П. Вальтеромъ, блестящимъ и замѣчательнымъ для своего времени ученымъ, который и самъ, насколько намъ извѣстно, дѣлалъ интересныя наблюденія въ этой области.

Наиболѣе цѣнный для насъ выводъ изъ работы д-ра П. Козакевича тотъ, что потери тѣла при половыхъ сношеніяхъ, выражающіяся усиленнымъ потребленіемъ азотистыхъ веществъ, превышаютъ потери на умственную работу и самый усиленный физическій трудъ. Рѣчь идетъ о непосредственныхъ потеряхъ, слѣдующихъ за половыми сношеніями и выражающихся въ извѣстной картинѣ усталости и изнеможенія.

Ставъ на современную научную точку зрѣнія, которая не была извѣстна д-ру Козакевичу, и добавивъ, что при сношеніяхъ съ публичными женщинами, взаимныя этихъ чрезмерныхъ потерь, не получается равноцѣннаго эквивалента, что бываетъ въ нормальномъ бракѣ, мы поймемъ, отчего зависитъ истрепанность молодыхъ людей, начинающихъ вести половую жизнь до брака. Она выражается не въ одной только нравственной испорченности, а также въ извѣстныхъ при-

*) 1867, №№ 39, 40.

знакахъ физическаго разслабленія и истощенія. Эти признаки замѣтнѣе всего на лицѣ и состоятъ въ своеобразной тусклости, дряблости и безжизненности его чертъ и выраженія, другими словами, въ томъ, что на обыденномъ языкѣ называется „истасканнымъ лицомъ.“ Вглядѣвшись внимательнѣе въ эти истасканныя, преждевременно состарившіяся лица молодыхъ людей, ведущихъ безпорядочную половую жизнь, вы неожиданно открываете, что это собственно тѣ же лица, что и у проституттокъ, въ особенности если къ излишествамъ *in Venere* присоединяются излишества *in Vascho*. До какой же степени могутъ доходить иногда эти излишества, мы можемъ судить по слѣдующему признанію анонимнаго автора, на статью котораго остановились: „половые сношенія началъ съ 21-го года, при чемъ въ силу особыхъ условій, они были крайне неправильныя, съ полнымъ воздержаніемъ по 4—6 мѣсяцевъ, но зато и съ излишествами, бывавшими ежегодно 1—2 раза и продолжавшимися въ теченіе 10 — 14 дней. Насколько я припоминаю, въ теченіе этихъ дней я иногда имѣлъ до 20—40 сношеній. Излишества эти меня сильно истощали, такъ что въ концѣ этихъ двухъ недѣль я чувствовалъ себя не лучше, чѣмъ Тангейзеръ въ гротѣ Венеры“.

Между тѣмъ эти признанія, повторяемъ, принадлежать вполне порядочному человѣку, не смотря на временныя излишества, сохранившему свои силы, котораго ни въ какомъ отношеніи нельзя ставить на одну доску съ большинствомъ истасканныхъ молодыхъ людей. Большинство послѣднихъ начинаютъ половую жизнь гораздо раньше, въ 16, 15 иногда даже въ 14 лѣтъ, излишество доводитъ до ничѣмъ не оправдываемаго безпутства, за время котораго успѣваетъ переболѣть всѣми венерическими болѣзнями до сифилиса включительно; къ 25—30 годамъ, т. е. ко времени вступленія въ бракъ, наиболѣе рьяные представители этой расы, помимо сифилиса, перелоя, — который въ настоящее время далеко не считается мѣстной болѣзью (перелойное пораженіе суставовъ мышцъ, сердца и нервовъ), наживаютъ еще половое безсиліе въ формѣ общей и мѣстной нейрастеніи. И все-таки, не

смотря ни на что, многіе изъ нихъ не задумываются передъ дилеммой брака.

Вопросъ о половой нейрастеніи въ зависимости отъ излишествъ до-брачной и вѣнчаемой жизни въ настоящее время съ особенной подробностью разработанъ въ наукѣ. Если по вопросу о вредѣ полового воздержанія для организма существуютъ еще нѣкоторые разногласія авторовъ, то въ вопросѣ о вредѣ половыхъ излишествъ о такомъ разногласіи нѣтъ рѣчи. Извѣстна картина спинномозговой и половой нейрастеніи, къ которой въ особенности предрасположены юные, физически незрѣлые субъекты, предающіеся излишествамъ; она зависитъ отъ функціональнаго истощенія спинного мозга и выражается чувствомъ тяжести и тупыми болями въ спинѣ, бедрахъ и самыхъ genitalia; чувствомъ онѣмѣнія, холода и шаткости въ нижнихъ конечностяхъ, наконецъ, дѣйствительной слабостью и легкой утомляемостью ногъ при ходьбѣ. Ко всему этому присоединяются явленія и самой половой нейрастеніи: легкая, повышенная возбудимость и одновременно несостоятельная слабость въ половомъ отношеніи (преждевременная, ускоренная *jaculatio*, упадокъ эрекции и т. п.). Со стороны душевной: тяжесть головы, извѣстная степень отупѣнія сознанія, несвѣжестъ памяти, ипохондрическое или же пресыщенно-раздражительное настроеніе, нравственное равнодушіе и безучастіе ко всему. Правда, большинство авторовъ въ настоящее время не допускаетъ возможности органическаго заболѣванія спинного мозга вслѣдствіе однихъ половыхъ излишествъ и безъ содѣйствія другихъ вспомогательныхъ причинъ, но если эти содѣйствующія причины есть, напр., или алкоголизмъ или сифилисъ, или и то и другое вмѣстѣ, то и органическое пораженіе не заставитъ себя долго ждать, проявляясь чаще всего въ видѣ табеса. Кромѣ того у субъектовъ съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ падучей, первое проявленіе, до сихъ поръ остававшейся въ скрытомъ состояніи, болѣзни обыкновенно слѣдуетъ за излишествами.

Весь вредъ половыхъ излишествъ намъ станетъ еще болѣе

понятнымъ, если мы встанемъ на новую точку зрѣнія. Старинные авторы, напр., Лалемандъ, Труссо и др. видѣли причину вреда, наносимаго половыми излишествами, такъ же, какъ и онанизмомъ, въ истощающихъ потеряхъ сѣменной жидкости, которая считалась особенно цѣнной для организма. Позднѣйшіе авторы отступили отъ этого взгляда, считая, что сѣменные потери не играютъ почти никакой роли, такъ какъ количество бѣлка, теряемаго при этомъ организмомъ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія для его питанія. Напротивъ весь вредъ излишествъ стали объяснять истощеніемъ центровъ спинного и головного мозга, завѣдывающихъ нервно-психическимъ механизмомъ полового акта. Этотъ взглядъ принадлежитъ главнымъ образомъ нервнымъ врачамъ и въ свою очередь является плодомъ односторонности и нежеланія вдуматься въ то значеніе, которое можетъ имѣть новая теорія для объясненія происхожденія нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней. Съ этой точки зрѣнія сѣменные потери вовсе не простыя потери бѣлка, а фермента, сложной бѣлковой природы, весьма важнаго для питанія какъ всего организма, такъ въ частности и нервной системы. Слѣдовательно, половыя излишества вредны не однимъ только нервнымъ переутомленіемъ. Въ этомъ отношеніи мы возвращаемся ко взглядамъ старинныхъ авторовъ, но только во всеоружіи новыхъ объясненій. Теперь мы яснѣе поймемъ, почему истощающее вліяніе половыхъ излишествъ приводитъ юношей къ преждевременной старости, на что между прочимъ указываетъ и Крафтъ-Эбингъ.

Не трудно напередъ угадать судьбу браковъ при подобныхъ условіяхъ. Перелой, общая и мѣстная неврастенія, мужское половое безеніе кое-какъ подлѣчиваются; сифилисъ, если онъ былъ, якобы излѣчивается совѣмъ, какъ нерѣдко увѣряютъ своихъ паціентовъ врачи „секретныхъ болѣзней“. На повѣрку же выходитъ, что въ первомъ случаѣ юный супругъ или грозитъ заразить свою супругу плохо вылѣченнымъ перелоемъ, который особенно опасенъ для женщинъ, такъ какъ служить источникомъ весьма многихъ женскихъ болѣзней или же вмѣсто настоящей половой силы, которая въ старыя времена

составляла гордость здоровой мужской расы, приносить какіе-то обветшалые обноски и бракъ тѣмъ самымъ оказывается не-состоятельнымъ, причиняя существенный вредъ въ особенности женской половинѣ; во второмъ случаѣ яко бы совѣмъ излѣченный сифилисъ — въ излѣчимость этой болѣзни, не смотря на недавнія утвержденія Тарновскаго, что то плохо вѣрится!—послѣ недолгаго супружества,—однако, достаточно продолжительнаго, чтобы передать дурную наследственность дѣтямъ,—нерѣдко раздражается либо сухоткой спинного мозга, либо прогрессивнымъ параличемъ, либо другой какой тяжелой формой заболѣванія центральной нервной системы, предсказаніе и исходъ которой нисколько не лучше. Правда, болѣзни этого рода не есть уже сифилисъ, а лишь послѣдствія его,—Фурнье ихъ называлъ парасифилитическими заболѣваніями,—съ другой стороны сифилисомъ можетъ заболѣть случайно и вполне порядочный юноша, сохраняющій нравственную скромность и совершенно чуждый половому распутству, но все же если не распутство, то соприкосновеніе съ публичными или, по меньшей мѣрѣ, сомнительными женщинами было и если-бы его не было вовсе, то не было бы и сифилиса. Это тѣмъ болѣе, что зараженіе сифилисомъ *внѣ половымъ путемъ*, весьма распространенное въ простомъ народѣ, среди интеллигенціи крайне рѣдко... Тогда бы и врачамъ нервныхъ болѣзней, въ руки которыхъ переходить такъ много бывшихъ сифилитиковъ, по поводу той или другой изъ вышеназванныхъ болѣзней, не пришлось бы рас-плачиваться долгимъ и мучительнымъ для челоѣка съ сердцемъ созерцаніемъ весьма тяжкихъ и въ концѣ концовъ неизлѣ-чимыхъ страданій за легкомысліе своихъ коллегъ врачей „секретныхъ болѣзней“, заурядное большинство которыхъ от-носится къ половымъ злослуженіямъ молодежи юмористически, въ пошло легковѣсномъ тонѣ. Не пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть невольнымъ и далеко не безучастнымъ сви-дѣтелемъ экономическаго разрушенія весьма многихъ и мно-гихъ семей, глава которыхъ сраженъ подъ самый корень. Въ болѣе счастливыхъ случаяхъ сифилисъ и самъ по себѣ,

въ особенности вслѣдствіе злоупотребленія ртутнымъ лѣченіемъ, оставляетъ длительную нейрастенію и дурную вырожденническую наслѣдственность. Еще печальнѣе послѣдствія, которыя наука стала отмѣчать лишь за самое недавнее время. Французскіе врачи нервныхъ и душевныхъ болѣзней, а за ними и нѣкоторые изъ русскихъ, подмѣтили, что въ нѣкоторыхъ, правда пока еще сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, сухотка спинного мозга или прогрессивный параличъ какъ бы передаются отъ больного супруга къ здоровому, между тѣмъ какъ до сихъ поръ считалось твердо установленнымъ, что обѣ вышеназванныя болѣзни въ общепризнанномъ смыслѣ не заразительны. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить происхожденіе этихъ супружескихъ формъ табеса и прогрессивнаго паралича? Первая мысль, не передалъ ли больной супругъ здоровому прежде всего сифилиса, которымъ болѣлъ ранѣе, а уже отсюда развилось послѣдовательное заболѣваніе обычнымъ для названныхъ болѣзней путемъ. Тщательное разслѣдованіе въ такихъ случаяхъ показываетъ, что супругъ виновникъ имѣлъ сифилисъ лишь въ давнопрошедшемъ времени, и хотя боленъ теперь *вслѣдствіе бывшаго сифилиса*, но не *самымъ сифилисомъ*, отъ котораго къ тому же тщательно лѣчился и потому таковаго передать никакъ не могъ. При прежнихъ точкахъ зрѣнія этимъ формамъ супружескаго табеса и прогрессивнаго паралича никакого объясненія подыскать нельзя. Но если мы вооружимся нашей теоріей, объясненіе напрашивается само собою. Половое общеніе, какъ мы подробно развили въ нашей первой бесѣдѣ,*) есть актъ своего рода питанія, въ которомъ обѣ стороны размѣниваются своими половыми ферментами. Половой ферментъ супруга—виновника заболѣванія—въ данное время свободенъ отъ сифилитическаго яда, но онъ все же несетъ въ себѣ слѣды того видоизмѣненія, которое причинилъ когда-то этотъ ядъ. И вотъ путемъ обмѣна половыми ферментами и происходитъ,

*) *Новый взглядъ на природу любви. Ученіе о личности*, вып. 2-ой, гл. VIII-ая, 1904.

повидимому, передача, самой болѣзни, подобно тому, какъ путемъ того же полового фермента передается иногда сходство дѣтиямъ не съ отцомъ, а съ первымъ мужемъ матери. Но и помимо всякихъ теорій, факты, подобные вышеприведеннымъ, являются слишкомъ краснорѣчивой угрозой органическимъ устоямъ современнаго брака.

Съ другой стороны заболѣванія на почвѣ наслѣдственнаго пара-сифилиса столь многочисленны, что для ознакомленія съ ихъ особенностями требуются спеціальныя трактаты. Для нашей цѣли достаточно упомянуть вслѣдъ за Фурнье, что, кромѣ физическаго и умственнаго вырожденія, проявляющихся въ болѣзненности, уменьшеніи роста, дѣтскости, слабоуміи, недолговѣчности, мы опять встрѣчаемся здѣсь съ спинно-мозговой сухоткой и прогрессивнымъ параличемъ наслѣдственно-сифилитическаго происхожденія, которые проявляются на этотъ разъ въ *юношескомъ возрастѣ*.

Но и эти тяжелыя болѣзни и эта нравственная испорченность еще далеко не составляютъ всѣхъ послѣдствій несоблюденія мужчинами безусловнаго цѣломудрія до брака и относительнаго въ самомъ бракѣ.

Рядомъ съ специфической нравственной испорченностью, вытекающей изъ распущенной половой жизни, возникаетъ общая испорченность нравственнаго поведенія и разложеніе высшихъ человѣческихъ идеаловъ. Какъ своего рода кристаллизующійся осадокъ этой испорченности появляется, наконецъ, типъ развратнаго мужчины, т.-е. безнравственнаго чловѣка не со стороны одной только половой этики, а со стороны всего кодекса личной и общественной морали. Каждое изъ этихъ проявленій могло бы послужить весьма цѣнной темой для цѣлаго изслѣдованія по нравственной психологіи въ ея психо-органическихъ основахъ.

Гербертъ Спенсеръ, говоря объ этикѣ половыхъ отношеній, справедливо замѣчаетъ: „Существуетъ вѣрное наблюденіе, что у чловѣка, который постоянно поступаетъ дурно, всѣ чувствованія принаравливаются къ этому и онъ постепенно теряетъ понятіе о хорошемъ и, наконецъ, думаетъ,

что поступает дѣйствительно хорошо“. Этого вполне достаточно, чтобы понять, какимъ путемъ идетъ распространѣніе нравственнаго зараженія. Это путь пересоподчиненія всѣхъ чувствованій одной господствующей склонности, которая по привычкѣ перестала считаться дурной.

Получивъ безнравственные навыки въ сферѣ половыхъ отношеній,—безнравственность тутъ состоитъ въ нарушеніи естественнаго ограниченія, устанавливаемого природой, — развратившійся юноша или мужчина начинаетъ прежде всего смотрѣть на самыя половыя отношенія исключительно со стороны доставляемыхъ ими удовольствій и превращаетъ погоню за ними въ своего рода спортъ. Съ этого момента и на всѣ другія удовольствія устанавливается специфическая точка зрѣнія. Такъ, напр. эстетическія удовольствія, доставляемыя зрительными искусствами, въ ихъ чистомъ видѣ или въ сочетаніи съ слуховымъ,—каковы живопись, пластика, театръ,—только тогда цѣнятся, когда они болѣе или менѣе открыто затрогиваютъ и дразнятъ сферу половыхъ ощущеній. По тѣмъ же причинамъ въ повѣствовательномъ искусствѣ цѣнятся произведенія съ завѣдомо порнографической окраской. Все остальное скучно, въ особенности же идейныя вещи, не интересно, прѣсно, „банально“, какъ любятъ теперь выражаться. Сами женщины могутъ интересоваться входящаго во вкусъ развратника, исключительно, какъ предметъ половыхъ вождельній. Разбирая ихъ по статьямъ, онъ останавливаетъ вниманіе прежде всего на бюстѣ, затѣмъ смакуетъ плечи и бедра,—лицо же вещь не первой важности! Нѣкоторые доходятъ дотакъ виртуозности, что, минуя все остальное, разсматриваютъ только крупъ. Однимъ словомъ, развратникъ, смотря на женщину, уже психически сносится съ ней, вызывая у чистыхъ женщинъ инстинктивное отвращеніе. Всѣ остальные отношенія къ женщинѣ сводятся только къ этимъ. И, если это властный или денежный развратникъ, отъ котораго женщина въ какомъ-либо отношеніи зависитъ, то она должна оплатить свою зависимость цѣной извѣстной уступки. Вступая въ бракъ или послѣдовательно переходя отъ одного брака къ другому,

какъ переходятъ отъ одной перемѣны блюда къ другой, субъектъ этого рода превращается наконецъ въ „*vieuxhomme*“, который не прочь, при случаѣ, выдавать себя за холостого и во всякомъ случаѣ за покровителя и поклонника женщинъ, которыхъ, если ужъ прошла пора прельщать, то еще долго можно обдавать сладострастной слюной. Другая же категорія развратниковъ, напротивъ, становится подъ старость жено-ненавистниками, что имъ нисколько не мѣшаетъ быть и насильниками. Наконецъ, къ той и другой категоріи развратниковъ тѣсно примыкаетъ третья, состоящая изъ субъектовъ, проповѣдующихъ и практикующихъ разные виды половыхъ извращеній до кровосмѣшенія включительно. Сюда же между прочимъ относятся и тѣ изъ нашихъ доморожденных *бодлэристовъ-декадентовъ*, которые, подъ флагомъ „нового искусства“, проповѣдуютъ, идеализируютъ, практикуютъ на самомъ дѣлѣ далеко не новые виды утонченнаго разврата. Новаго тутъ развѣ только то особенное безстыдство, съ которымъ они выставляютъ на показъ — будемъ, какъ солнце! — свои эротическіе аппетиты, требуя къ себѣ всеобщаго вниманія и совершенно безнаказанно развращая неопытныхъ сердца нашей молодежи обоего пола... Впрочемъ, не всѣ они вмѣняемы, потому что нерѣдко врачи, имѣвшіе случай ихъ близко наблюдать, находили у нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣ черты психопатіи, общей и половой, иной разъ несомнѣнные признаки первичнаго помѣшательства (паранойя), падучей и начинающагося прогрессивнаго паралича. Санаторія и клиника здѣсь, слѣдовательно, были бы болѣе подходящи, нежели поприще „нового искусства“.

Переходимъ къ вопросу объ ослабленіи или даже полномъ разложеніи высшихъ человѣческихъ идеаловъ въ зависимости отъ полового истощенія, излишествъ, разврата и иныхъ ослабляющихъ причинъ, дѣйствующихъ не только до брака и внѣ его, но и въ самомъ бракѣ. Вопросъ этотъ имѣетъ тѣмъ болѣе серіозное значеніе, что онъ касается цвѣта общества — интеллигентной молодежи, получающей высшее образованіе и вообще всѣхъ интеллигентныхъ людей. Въ

виду его важности мы постараемся подойти къ нему возможно осторожно и осмотрительно.

Скрывшій свое имя авторъ, уже цитированной нами статьи, касается этого вопроса и даетъ поводъ расширить фактическія и принципиальныя соображенія, приводимыя имъ. Можетъ быть, намъ удастся вмѣстѣ съ тѣмъ представить этотъ интересный вопросъ и въ новомъ освѣщеніи.

„Молодой человѣкъ,—говоритъ нашъ авторъ,—не начинавшій половой жизни, обладаетъ еще нетронутымъ запасомъ половой энергіи. Запасъ этотъ составляетъ потенциальную силу, которая, стремясь вырваться наружу, получить удовлетвореніе, вызываетъ рядъ явленій, характеризующихъ юность: страстность, порывы ко всему чистому и прекрасному, исканіе идеаловъ и борьба за нихъ, стремленіе къ чему-то неизвѣданному, которое должно удовлетворить всѣ потребности и запросы человѣка, болѣе чистая и безкорыстная любовь ко всѣмъ людямъ и, наконецъ, инстинктивное увлеченіе всѣмъ идеальнымъ и поэтическимъ, въ чемъ бы оно ни проявлялось“.

Отказываясь далѣе, за недостаткомъ умѣнія, обрисовать достаточно ярко „поэзію и мощь юности“, анонимный авторъ ссылается въ поясненіе своей мысли на извѣстную аллегорію о Родосскомъ геніи, которой въ свое время воспользовался Баркеръ, говоря „о соотношеніяхъ между физическими и жизненными силами“. Съ своей стороны и мы воспользуемся этой аллегоріей, чтобы освободить ее отъ несовѣстныхъ вѣрныхъ современныхъ толкованій.

„На стѣнахъ Сиракузскаго портика висѣла картина, обращавшая на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей въ теченіе цѣлаго столѣтія. На первомъ ея планѣ была изображена группа молодыхъ людей и дѣвушекъ, во взглядахъ которыхъ можно было читать земныя надежды и желанія... посреди нихъ въ центрѣ картины стоялъ крылатый геній съ челомъ, окруженнымъ ореоломъ, съ мотылькомъ на правомъ плечѣ, а высоко поднятая рука держала зажженный факель... Все говорило о его небесномъ происхожденіи. Никто изъ любо-

вавшихся этой картиной не могъ понять мысли, которую вложилъ художникъ въ свое произведеніе... Однажды какъ-то пришелъ изъ Родоса корабль; въ числѣ разныхъ художественныхъ произведеній онъ привезъ одну картину, какъ бы служившую дополненіемъ той, которая висѣла на стѣнахъ портика. Та же группа молодыхъ дѣвушекъ, тотъ же крылатый геній... но... мотылекъ съ его праваго плеча улетѣлъ въ высь... Факель погасъ въ склонившейся рукѣ, да и въ группѣ молодыхъ людей и дѣвушекъ большая перемена: нѣтъ прежней сдержанности и строгости, взаимныя пламенные объятія паръ указываютъ, что члены группы далеки отъ стѣненія и чувствуютъ себя совершенно свободными... Не будучи въ состояніи и теперь разрѣшить загадку Діонисій послалъ картину ученому пифагорейцу Эпихарму, который далъ слѣдующее толкованіе картины. Вся фигура генія — это какъ бы стальная юношеская мощь, а трепещущій крыльями мотылекъ на его правомъ плечѣ и повелительный, пронизывающій блескъ его взгляда — не что иное, какъ символъ жизненной силы, все одушевляющей собою. Земныя начала группируются около него, они стремятся удовлетворить своимъ земнымъ желаніямъ, но геній грозитъ имъ своимъ горящимъ факеломъ и заставляетъ ихъ повиноваться своимъ законамъ. Взгляните теперь на другую картину.... Вы видите въ ней переходъ отъ жизни къ смерти. Факель погасъ и опрокинулся; гордая голова генія склонилась безпомощно на грудь; повелѣвавшія очи погасли, жизненная сила изсякла. Земныя начала вступаютъ въ свои права: юноши и дѣвы змѣями обвиваются другъ около друга и... открываютъ шумную оргію. „День смерти генія служить для нихъ сигналомъ къ брачнымъ наслажденіямъ“.

Мудрый пифагореецъ *) удовлетворительно объяснилъ ал-

*) Эпихармъ, знаменитый сицилійскій поэтъ комикъ, собственно не былъ пифагорейцемъ, въ смыслѣ ученика школы, а лишь свободнымъ послѣдователемъ пифагорейскихъ идей среди своихъ философствующихъ современниковъ, какъ читаемъ мы у Целлера въ его „Philosophie der Griechen“.

легорію, по двойная задача выбора между „гордымъ геніемъ“ невинности и „падєніемъ“ нарушающихъ цѣломудріе, до сихъ поръ остается спорной.

Вотъ какой выходъ изъ этой дилеммы находить интересующій насъ авторъ:

„Если начало брачныхъ наслажденій является началомъ конца, спускомъ подъ гору, если мы должны проститься, хотя и съ несбыточными, но прекрасными идеалами и мечтами, если мы должны убить въ себѣ гордаго генія, то для чего торопиться начинать брачныя наслажденія?“—Задается онъ вопросомъ и затѣмъ продолжаетъ: „бывали случаи самоубійства послѣ первой ночи. Но еще чаще случается, что даже страстно любящіе другъ друга супруги послѣ первыхъ сношеній впадаютъ на нѣкоторое время въ психически подавленное состояніе, постоянно носясь съ мыслью о смерти, часто плачутъ и проч.; между такими супругами появляется даже извѣстное враждебное отношеніе, нѣчто вродѣ ненависти—бессознательная месть другъ другу за смерть гордаго генія. Все это чаще наблюдается у женъ, такъ какъ громадное большинство мужчинъ уже раньше брака испытало половыя наслажденія. Далѣе, халатъ—эмблема вѣншей семейной жизни—съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ и къ внутренней жизни супруговъ: „нѣтъ прежней сдержанности и строгости“ говорить аллегорія. И дѣйствительно, „жребій брошенъ, и выборъ сдѣланъ“. Къ чему же продолжать борьбу и заботиться о своемъ дальнѣйшемъ развитіи... и т. д.

Какъ видите, авторъ пессимистъ, онъ признаетъ брачную жизнь „началомъ конца“, т. е. началомъ гибели гордаго генія вышнихъ юношескихъ идеаловъ вмѣстѣ съ гибелью самой невинности и ему слѣдовало бы стать на сторону полового аскетизма. Однако, какъ врачъ, близко вѣдающій чело-вѣческую природу, онъ не можетъ этого сдѣлать, идетъ на уступки и беретъ средній выходъ, признавая, что „для всѣхъ нормальныхъ людей—мужчинъ и женщинъ—половая жизнь обязательна“, не соглашаясь такимъ образомъ съ моралистами аскетическаго толка. Но предоставимъ говорить ему самому.

„Половое воздержаніе отъ половыхъ сношеній въ теченіе всей жизни вызываетъ рядъ заболѣваній, создаетъ изломанную жизнь, что мы и видимъ у всѣхъ старыхъ дѣвъ. Законы природы непреложны: если начало половой жизни ведетъ къ смерти гордаго генія, то и полное воздержаніе вызываетъ разрушеніе организма. Половая жизнь должна быть, но спѣшить начинать ее не зачѣмъ“, что совершенно отвѣчаетъ и нашему взгляду. По мнѣнію автора „для русскаго развитого человѣка эта жизнь должна начинаться между 23 и 27 годами“.

Прекраснымъ подтвержденіемъ мысли, что половое воздержаніе создаетъ ненормальную, „изломанную жизнь“ можетъ служить въ высшей степени интересное изслѣдованіе С. К. Говорова: „Брачный вопросъ въ быту учащихся начальной школы“ (1903). Путемъ письменнаго опроса безбрачныхъ и находящихся въ бракѣ учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ училищъ, г. Говоровъ собралъ множество цѣнныхъ фактовъ, какъ бы нарочно говорящихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пользу защищаемой нами теоріи. Холостой учитель пишетъ „окружающіе говорятъ, что мнѣ жениться пора: они судятъ по моему настроенію. Одинъ опытный человѣкъ говоритъ, что моя *нервность*—результатъ безбрачія“; тотъ же учитель признаетъ наборъ учащихся изъ безбрачныхъ наборомъ „искалѣченныхъ людей“ и „однобокихъ уродовъ“. Учительницы дѣвицы сообщаютъ: „Приходилось замѣчать, что незамужнія учительницы, годамъ къ 30-ти жалуются на *усталость*, сильно *худѣютъ* и дѣлаются *раздражительными*. Далѣе слѣдуютъ общія жалобы: на *подавленность настроенія*, непонятную *тоску*, *неудовлетворенность*, *раздражительность*, *нервность*, *придирчивость* или же на *апатию*, *безучастіе* къ дѣтямъ, *эгоизмъ*, *сухость*. Въ этомъ отношеніи интересно признаніе одной учительницы: „*Педантизмъ*, *сухость*, *черствость* — вотъ упреки, которые часть приходится слышать по отношенію къ старымъ педагогамъ. Я склонна думать, что въ особенности мы, старыя дѣвицы, не безпричинны въ этомъ вслѣдствіе того, что мы лишены собственной семьи, которая согрѣвала бы наше сердце“.

Прямо трагическія ноты звучать въ слѣдующихъ письмахъ, которыя мы приводимъ въ сокращеніи. Сельская учительница пишетъ: „Мнѣ 28 лѣтъ. Я дѣвица. Мое безбрачное состояніе отражается на моемъ здоровьѣ. Настроеніе, за исключеніемъ рѣдкихъ дней, или подавленное, угнетенное, или, наоборотъ, возбужденное, подталкивающее меня на какія-нибудь рѣзкія выходки; и то и другое настроеніе равно тяжело для меня лично и для тѣхъ людей, съ которыми приходится имѣть общеніе. Это настроеніе или, вѣрнѣе, два настроенія не покидаютъ меня во время классныхъ занятій и служатъ причиной моего раздраженія при всякомъ неудачномъ отвѣтѣ ученика, при малѣйшей его шалости. Но такъ какъ я вполне сознаю, что не права, относясь придирчиво къ ученикамъ, то я подвергаю себя въ теченіе дня пыткамъ—сдерживаюсь насколько хватаетъ силы, и въ результатѣ такой пытки, къ концу дня, я—разбитый и физически больной человѣкъ. Ранѣе я думала, что переутомляюсь; но какое же это переутомленіе, если подобное состояніе духа не оставляетъ меня и въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, когда я могу такъ много отдыхать?“ Письмо городской учительницы идетъ еще дальше: „Мнѣ 34 года, я дѣвица. Безбрачное состояніе отражается на моемъ здоровьѣ: я слаба чуть не до обморока, у меня плохой сонъ и аппетитъ. Зябкость, всегда холодныя руки и ноги, волосы выпадаютъ, кожа суха, сильно худѣю. Настроеніе ужасное: безотрадный взглядъ на жизнь, страхъ передъ жизнью и людьми, безпричинное озлобленіе или полная апатія и равнодушіе, придирчивость, желаніе говорить всѣмъ горькую правду, укорять и людей и Бога въ несправедливости и жестокости. Я стала рѣзка, потому что у меня какая-то потребность сильныхъ выраженій, такъ какъ чувства мои часто обострены до боли; тревога и нетерпѣніе. Школьное дѣло исполняю очень добросовѣстно, потому что оно присуще моей натурѣ, но исполняю его съ отвращеніемъ, злобой,—одинъ видъ школы давить меня, какъ кошмаръ, я ее ненавижу. Къ дѣтямъ я отношусь такъ же. Я прежде любила дѣтей и питала къ нимъ нѣжныя чувства, теперь же я

всѣ силы души своей напрягаю, чтобы не выйти изъ границъ и не наговорить чего-нибудь ужаснаго моимъ невольнымъ палачамъ. Это отношеніе постоянное, оно стало хроническимъ и настолько сильно дѣйствуетъ на меня, что я даже во снѣ вижу школу и дѣтей, и во снѣ злюсь, мучаюсь и мучаю ихъ.—Замужъ я, конечно, желаю выйти, какъ этого желаютъ всѣ дѣвушки, насколько мнѣ извѣстно, потому что потребность любви и ласки сильна во всѣхъ. Воспрепятствовало же этому моему желанію выйти замужъ въ очень большой мѣрѣ мое положеніе учительницы“. Еще печальнѣе признаніе одной учительницы, въ постели которой находилось нѣчто похожее на куклу: — „Я всегда ее кладу съ собою, разговариваю съ ней, обнимаю, плачу долго, пока нервы не утомятся и не засну“!.. Однимъ словомъ, мы не ошибемся, если всѣ эти жалобы отнесемъ къ той, особаго рода, неврастеніи, которая происходитъ отъ физическаго и душевнаго перенапряженія въ потребности любить.

Напротивъ, показанія замужнихъ учительницъ и женатыхъ учителей, какъ видно изъ того же разслѣдованія, всѣ дышатъ противоположными чувствами уравновѣшенности, прилива энергіи, благожелательности и симпатіи къ школьнымъ дѣтямъ. По словамъ одной: „Замужество отражается на дѣятельности въ школѣ хорошо: жизнь дѣлается опредѣленнѣе и разумнѣе, здоровье и силы восстанавливаются вообще, а для школьныхъ занятій въ частности“. По словамъ другой: „какъ я замѣчаю по себѣ, у меня послѣ замужества появился необыкновенный притокъ энергіи, стало больше любви къ дѣтямъ и дѣлу, горизонтъ моего міровоззрѣнія значительно раздвинулся, — все это приписываю тому, что моя личная жизнь стала еще полнѣе, содержательнѣе, значительнѣе“. Учительница — вдова сообщаетъ: „замужняя учительница, имѣющая дѣтей, больше понимаетъ природу ребенка, его внутренній міръ, и потому самому она разумнѣе, мягче и снисходительнѣе относится къ чужимъ дѣтямъ“.

Женатые учителя пишутъ: „Брачное состояніе благоприятно отражается на здоровьи, на настроеніи, а слѣдовательно и

на школьной дѣятельности. Оно почти исключаетъ возможность нежелательныхъ отклоненій отъ школьнаго дѣла, вызванныхъ или вѣчнымъ одиночествомъ, когда человѣкъ рвется къ развлеченіямъ, или половымъ возбужденіемъ, когда человѣкъ стремится къ такому или иному удовлетворенію своей потребности, забывая иногда свое излюбленное школьное дѣло“ и т. д.

Но не то же ли самое можно сказать о молодыхъ людяхъ обоого пола въ другихъ профессіяхъ, экономическія и общественныя условія существованія которыхъ ведутъ точно также къ вынужденному безбрачію?

Возвращаясь къ разсужденіямъ анонимнаго автора, далѣе видимъ, что онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ— „начинать половую жизнь только съ брака, заключеннаго исключительно по любви, а не по коммерческимъ соображеніямъ или разуму (разумные браки самые неудачные). Обѣ стороны должны быть цѣломудренны“. Неравноправность въ этомъ отношеніи обоихъ половъ, какъ думаетъ авторъ, служить одной изъ главнѣйшихъ причинъ ненормальности большинства нашихъ браковъ, въ подтвержденіе чего онъ ссылается, между прочимъ, на „Крейцерову сонату“ Льва Толстого. Онъ справедливо указываетъ далѣе на отягчающую грязь воспоминаній о до-брачной половой жизни одного изъ супруговъ и неравенство половой силы между полуистощеннымъ мужчиной и цѣломудренной дѣвушкой. Напротивъ, автору „приходилось встрѣчать людей,— да и каждому приходилось ихъ встрѣчать, добавимъ мы,—среднихъ лѣтъ и даже совѣтъ пожилыхъ, которые, какъ говорится, сохранили „юношескую свѣжесть и бодрость“. —Эти люди во всѣхъ отношеніяхъ превосходили своихъ сверстниковъ; одна изъ важнѣйшихъ причинъ этого—умѣренное пользованіе въ теченіе всей жизни половыми наслажденіями. Характерно, что для воздержныхъ людей „идеалъ и поэзія“ долго сохраняютъ свою прелесть, и, наоборотъ, имъ противны цинизмъ, сальные анекдоты и порнографическія книги, которыми люди излишества стремятся поддержать угасающее воображеніе и падающую половую способность“. Авторъ на-

ходить, что нормальное, естественно-соразмѣренное половое общеніе каждый разъ приносить съ собой бодрость и хорошее самочувствіе, иногда же какой-то особенный подъемъ духа и даже „готовность на подвигъ“; напротивъ, послѣ излишне частаго полового общенія „наблюдается упадокъ силъ и такое равнодушное отношеніе ко всѣмъ и ко всему, про которое поэтъ совершенно вѣрно сказалъ: „И въ грядущемъ нѣтъ желаній и прошедшаго не жаль“. Подтвержденіе этому авторъ находитъ въ личномъ своемъ опытѣ, — онъ велъ оригинальный дневникъ своей половой жизни, — замѣчая, что излишества сопровождались у него, одновременно съ упадкомъ силъ, чувствомъ раскаянія и сожалѣнія, точно что-то потеряно, и привели сверхъ всего къ ослабленію памяти.

Не довольствуясь фізіологіей и гигиеной, онъ касается психологіи и этики неразумнаго брачнаго общенія.

„Воздержность во время супружеской жизни имѣетъ и другую очень выгодную сторону: — „гораздо дольше сохраняется любовь и поддерживается взаимный интересъ между супругами; что очень важно для счастья супружеской и семейной жизни. Теперь во многихъ бракахъ мужъ съ женой въ 1—2 года успѣваютъ надоѣсть другъ другу очень частыми половыми сношеніями и уже не вызываютъ другъ въ другѣ извѣстнаго возбужденія. Если при этомъ между ними нѣтъ никакихъ другихъ болѣе сильныхъ, связующихъ интересовъ, и главную основу ихъ совмѣстной жизни составляетъ половая функція, то такой неразсчитливой жизнью дается первый поводъ къ охлажденію, а затѣмъ ко всякимъ измѣнамъ: нужна новая обстановка, другая личность, которая могла бы раздражать воображеніе и поддерживать искусственно ослабленную половую энергію“.

Обращаясь къ частнымъ правиламъ по гигиенѣ брачнаго общенія, авторъ ссылается на мнѣнія проф. Риббинга, который является, повидимому, наиболѣе надежнымъ авторитетомъ, и пополняетъ ихъ, отчасти же ограничиваетъ, на основаніи выводовъ изъ собственныхъ наблюденій. Но самъ Риббингъ совершенно основательно считаетъ труднымъ устано-

вить норму для всѣхъ людей со всѣмъ разнообразіемъ ихъ индивидуальности, возраста и другихъ осложняющихъ обстоятельствъ. По мнѣнію скандинавскаго профессора „вполнѣ дозволено и нормально, чтобы супруги имѣли между собою половое сношеніе, когда физическія и духовныя склонности влекутъ ихъ другъ къ другу“. При чемъ прибавляетъ „пробнымъ камнемъ половой гігіены служить то, что супруги на другой день послѣ полового общенія—еще въ большей степени, чѣмъ послѣ другихъ ночей—чувствуютъ себя свѣжими и здоровыми, бодрыми душою и тѣломъ“ *).

Съ своей стороны нашъ авторъ считаетъ нужнымъ усилить предложеніе Риббинга объ ограниченіи числа половыхъ общеній: число и время должны быть таковы, чтобы никогда не падала извѣстная степень нормальнаго полового возбужденія или „половой тонусъ“, присущій всякому зрѣлому, не истощившему своихъ половыхъ силъ, мужчинѣ. „Съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, необходимо также, чтобы промежутки между сношеніями были болѣе правильны, чтобы не было ежедневныхъ, а тѣмъ паче, по нѣскольку сношеній въ сутки. Физическая работа, безусловно необходимая для здороваго организма, тоже прекрасный регуляторъ половой жизни. Весьма необходима для правильной половой жизни и общественная дѣятельность, имѣющая непосредственное соприкосновеніе съ бѣдными классами. Последняя дѣятельность оказываетъ прекрасное исправляющее вліяніе на расшатанное и часто съ дѣтства дурно направленное воображеніе“.

Къ сожалѣнію, авторъ, вдаваясь въ подробности, впадаетъ въ обычный шаблонъ наставленій этого рода.

Какъ будто можно составить на такой предметъ классное описаніе. Слишкомъ много вполнѣ естественныхъ поводовъ къ исключеніямъ и потому подобныя правила, со временъ древнихъ пророковъ и реформаторовъ, тоже заботившихся о нормахъ половой жизни, всегда вели къ ослушанію. Совершенно достаточно указать общее мѣрило, которымъ каж-

*) Риббингъ. Половая гігіена и этика. Переводъ съ нѣмецкаго З. Ф. Львовича. СПб. 1894.

дый могъ бы руководствоваться при оцѣнкѣ нормальнаго полового общенія, какимъ, напр., является свѣжестъ и бодрость тѣлеснаго и душевнаго сомочувствія. Въ остальномъ и въ томъ числѣ въ срокахъ каждый долженъ разбираться самъ, примѣнительно къ своему возрасту, силамъ и другимъ сопутствующимъ обстоятельствамъ, какъ со стороны здоровья, такъ и со стороны настроенія, положенія и обстановки, памятуя замѣчанія людей опытныхъ и благоразумныхъ, что если жалуются, то вѣдь обыкновенно на послѣдствія невозддержности, а не на послѣдствія воздержанія.

Возвращаясь къ судьбѣ гордаго генія, авторъ снова и снова напоминаетъ о благихъ результатахъ воздержности: „постоянно возбужденное, приподнятое настроеніе, сохраненіе психической и физической свѣжести, возможность расходовать запасъ энергіи на благо окружающихъ, сохраненіе сильной любви и извѣстныхъ идеальныхъ отношеній между супругами, однимъ словомъ, возможно продолжительное поддержаніе въ себѣ той юношеской свѣжести, при которой „запахъ розъ и пѣніе соловья“ составляютъ наслажденіе и, наконецъ, выигрышъ въ силѣ и страсти самыхъ половыхъ наслажденій — все это слишкомъ великая награда за сокращеніе минутныхъ половыхъ наслажденій. Обращаясь за подтвержденіемъ справедливости всего сказаннаго къ личному опыту, авторъ категорически утверждаетъ — и нѣтъ основанія въ этомъ сомнѣваться — что *„въ періодъ воздержанія онъ всегда относился и къ людямъ и къ дѣлу болѣе страстно и энергично“*. Такъ что „состояніе неполной удовлетворительности или возбужденія, — какъ онъ думаетъ, — особенно необходимо для людей съ кипучей, разносторонней общественной дѣятельностью“.

Въ заключеніе авторъ этого интереснаго и оригинальнаго документа строить нѣчто вродѣ теоріи взаимоотношенія половой энергіи къ остальнымъ видамъ проявленія энергіи въ организмъ и человѣческой дѣятельности. — Его теорія на этотъ счетъ такова: „Въ тѣлѣ человѣка, какъ результатъ всѣхъ происходящихъ въ немъ процессовъ, вырабатывается извѣстный запасъ энергіи, общей для всѣхъ родовъ дѣятельности

человѣка: умственной, физической и половой. Если изъ этого запаса будетъ тратиться много на одинъ родъ дѣятельности, то будетъ оставаться менѣе для остальныхъ двухъ, и только при правильной, уравновѣшенной дѣятельности всѣхъ отправленій человѣкъ можетъ быть наиболѣе здоровымъ и развитымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если этотъ взглядъ справедливъ, то всякій лишній расходъ общаго запаса на половую жизнь дѣлаетъ человѣка менѣе способнымъ для физической и умственной работы. И наконецъ, при удовлетвореніи полового чувства лишь въ такой степени, чтобы не получалось никогда утомленія, или, что еще хуже, пресыщенія, а напротивъ, чтобы половое чувство оставалось не вполне удовлетвореннымъ и всегда поддерживалось легкое половое возбужденіе (половой тонусъ), — вмѣстѣ съ постояннымъ половымъ возбужденіемъ будетъ поддерживаться и необходимая энергія“.

Чтобы провѣрить, въ какой степени могутъ быть справедливы подобныя теоріи—онѣ являются отраженіемъ общаго въ наукѣ взгляда на законы сохраненія и превращенія энергій,—мы должны рассмотреть теперь нормальный бракъ, какъ естественное установленіе самой природы. А пока замѣтимъ, что теоріи, основанныя на антогонизмѣ половыхъ, физическихъ и нравственныхъ силъ, должны быть пересмотрѣны въ томъ смыслѣ, что нормальное половое общеніе и само можетъ служить несомнѣннымъ источникомъ энергій для человѣка: въ этомъ и состоитъ особенность новаго взгляда, какъ капитальнаго пріобрѣтенія науки новаго времени. Слѣдовательно, нормальная половая жизнь сама по себѣ вовсе еще не есть угроза гордому генію юношескихъ идеаловъ.

II.

Бракъ, какъ естественное установленіе самой природы и семья, какъ основа совершенствованія человѣка и общества.

Вопросъ о томъ, не является ли начало брачныхъ наслажденій началомъ паденія гордаго генія юности, другими словами не служить ли бракъ, по самому своему существу, а не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, причиной разложенія высшихъ человѣческихъ идеаловъ, представляется весьма интереснымъ, такъ какъ затрогиваетъ одну изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ нерѣдко идеально настроенные молодые люди, вступая въ бракъ, очень скоро, однако, опускаютъ, что называется крылья. Между тѣмъ мы видѣли, что въ фізіологической основѣ нормальнаго брака нѣтъ ничего, что бы вело къ физическому и нравственному упадку. Напротивъ анонимный авторъ, на котораго мы ссылались въ первой части, положительно заявляетъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, что вслѣдъ за нормальнымъ физическимъ наслажденіемъ въ нормальные (не частые) сроки, „нерѣдко (особенно въ болѣе молодые годы) являлось пріятное самочувствіе съ сознаніемъ своей силы: смотря по предыдущему настроенію, хотѣлось шума, веселья, быть въ большомъ обществѣ или являлась мысль о совершеніи какого-либо подвига... однимъ словомъ, воображеніе рисовало жизнь, полную движенія, волненій, общаго счастья и веселья“... Съ другой стороны, если мы углубимся въ изученіе естественной исторіи полового общенія, то найдемъ, что природа уже на своихъ низшихъ ступеняхъ прибѣгаетъ къ половому общенію не ради однихъ только цѣлей размноженія,—для этого въ ея рукахъ имѣется

болѣе обширное и экономное средство размноженія простымъ дѣленіемъ,—а для чего-то гораздо большаго. Это нѣчто большее состоитъ въ томъ, что половое общеніе и размноженіе, къ которому прибѣгаетъ природа вначалѣ, чередуя его съ безполымъ размноженіемъ, вноситъ освѣженіе, обновленіе, омолаживаніе, возрожденіе особи и расы. Затѣмъ оно даетъ толчекъ, во-первыхъ къ образованію самыхъ половъ — вначалѣ половое общеніе происходитъ между безполыми, однородными существами въ видѣ ихъ притяженія и сліянія (конъюгаціи) какъ бы въ силу химическаго сродства, при чемъ они взаимно обмѣниваются веществами; во-вторыхъ, оно ведетъ къ усовершенствованію особи и расы, внося принципъ раздѣленія труда между женской и мужской половой особью, выгодный для произведенія наиболѣе совершеннаго потомства, но дѣлающій, однако, то, что отнынѣ раздѣльнополыя существа не могутъ обходиться другъ безъ друга, являясь какъ-бы взаимодополняющими половинами. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ раздѣленія труда, который вначалѣ охватываетъ только органы воспроизведенія, распространяется затѣмъ на такъ называемые вторичные половые признаки, находящіеся въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ устройства и отправленій половыхъ органовъ, въ частности половыхъ железъ. — Въ результатъ получается то, что раздѣльнополыя существа, которыя вначалѣ отличались разницей лишь въ устройствѣ, отправленіяхъ и назначеніи органовъ воспроизведенія, отличаются затѣмъ и всѣми остальными органами, начиная отъ таза, грудныхъ железъ, костной и мышечной системы и кончая черепомъ, мозгомъ, умственными и нравственными способностями *). На сторонѣ мужской особи преобладаетъ сила, активность, агрессивныя наклонности, ин-

*) Указанія на разницу анатомическаго строенія, зависящую отъ пола, достаточно подробно изложены для публики въ капитальномъ трудѣ д-ра Г. Пюсса.—„Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи“. Т. 1. Русскій переводъ 1898 года. Къ сожалѣнію, почтенный трудъ Пюсса весьма далекъ отъ новой біологической идеи.

стинктъ нападенія, захвата, пріобрѣтенія; на сторонѣ женской—воспріимчивость, но зато и относительная пассивность, не исключаящая, однако, естественной граціозности, въ важныхъ случаяхъ сильно развитый инстинктъ самозащиты по отношенію къ себѣ и дѣтенышамъ, словомъ охранительныя наклонности въ широкомъ смыслѣ. Культура можетъ до нѣкоторой степени сглаживать эти различія, но отнюдь она не въ состояніи ихъ истребить до самаго корня, ни у животныхъ, ни у человѣка: разница пола все-таки останется во всемъ основномъ ея значеніи. Правда, говоря исключительно о человѣкѣ, приходится признать въ настоящее время положительно доказаннымъ, отчасти самой жизнью, что женщина въ области физическаго и умственнаго труда, за немногими исключеніями, рѣшительно можетъ исполнять все то же, что и мужчина, какъ и наоборотъ, но это вовсе не исключаетъ между ними индивидуальных особенностей въ ихъ физической и умственной трудоспособности, которыя своей основой коренятся въ половыхъ различіяхъ ихъ организаціи. Этихъ индивидуальных особенностей не только не слѣдуетъ затушевывать, какъ это дѣлаютъ слишкомъ крайніе и прямолинейные защитники женской эмансипаціи, напротивъ, ихъ нужно охранять и въ извѣстной мѣрѣ развивать, такъ какъ вообще индивидуальность, особенность во всемъ, есть цѣнный даръ природы, съ которымъ тѣсно связана изобрѣтательность, разнообразіе и успѣхи культуры, половая же индивидуальность сверхъ того заселяетъ унылую пустыню жизни цвѣтущимъ и граціознымъ садомъ не однихъ тѣлесныхъ, но и духовныхъ радостей и наслажденій.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ юношу и дѣвушку, мужчину и женщину въ цвѣтущемъ возрастѣ. Пусть они будутъ равны по своему воспитанію и образованію, по своей способности къ физическому и умственному труду: — *равны и родственны, но не тождественны* въ индивидуальных проявленіяхъ ихъ тѣла и души, темперамента, ума, характера, убѣжденій и взглядовъ, наконецъ, въ ихъ способности любить. Теперь допустимъ, что между ними зародилась и

самая любовь. Тогда между ихъ существами начнется взаимное притяженіе не по одной только линіи полового сродства и инстинкта; всѣ остальные индивидуальныя ихъ особенности точно также начнутъ притягиваться,—именно потому, что эти особенности находятся въ сродствѣ, а не въ тождествѣ, и чѣмъ больше этихъ особенностей, тѣмъ значительнѣе будетъ общая сумма притяженій. Это множественное притяженіе съ обѣихъ сторонъ — мужской и женской, — половой подборъ, не въ узкомъ, какъ принято понимать, а въ широкомъ смыслѣ слова, — составитъ своего рода *пару психо-органическихъ силъ*, въ которой всѣ виды человѣческой энергій и ея индивидуальныя особенности, связанныя съ противоположностями пола, найдутъ свое равновѣсіе и удовлетвореніе въ взаимно пополняющемъ обмѣнѣ. Въ этомъ равновѣсіи, охваченномъ по всѣмъ линіямъ притяженія, а не по одной только половой, взаимностью и любовью, найдется мѣсто и высшимъ человѣческимъ идеаламъ, имъ незачѣмъ будетъ разрушаться; напротивъ они будутъ здѣсь крѣпнуть, встрѣчая взаимную опору и поддержку. — Это и будетъ бракъ, какъ естественное установленіе самой природы, какъ органическое единеніе дополняющихъ другъ друга существъ, подчиненное закону любви и необходимости, — бракъ въ истинномъ, а не въ случайномъ или обрядовомъ только значеніи, нормальная, прочная и всесторонняя основа семьи, въ которой человѣческая индивидуальность и высшіе человѣческіе идеалы найдутъ надежную колыбель для развитія, совершенствованія и воспитанія. Очевидно, опасеніе пессимистовъ, что бракъ самъ по себѣ, въ силу самой своей психо-органической природы, можетъ послужить причиной гибели гордыхъ юношескихъ идеаловъ, не состоятельно. И тѣмъ не менѣе фактъ подобнаго крушенія идеаловъ засвидѣтельствованъ исторіей многихъ интеллигентныхъ браковъ — отчего же и въ какихъ случаяхъ это происходитъ?

Чаще всего это происходитъ оттого и тамъ, гдѣ пучекъ взаимныхъ притяженій въ брачной парѣ слишкомъ бѣденъ и ограниченъ половую связью и гдѣ идеальныя интересы

слишкомъ слабо и не серьезно представлены съ обѣихъ сторонъ съ самаго начала. Обыкновенно эту бѣднѣю вносить женщина. Въ самомъ дѣлѣ, каково умственное и нравственное образованіе и воспитаніе большинства дѣвушекъ и женщинъ даже въ наше время женской эмансипаціи? Обучаемыя въ школахъ только зачаткамъ наукъ, — при чемъ дѣтскій принципъ „этого не надо и этого не надо“ царить въ большинствѣ случаевъ надъ женскимъ образованіемъ во всей своей силѣ; — не только не пріучаемыя, но систематически отучаемыя думать о какихъ-либо возвышенныхъ, нравственныхъ и общественныхъ идеалахъ, — послѣднее достается лишь на долю избранныхъ и то путемъ виѣшкольнаго развитія, влѣдствіе счастливаго товарищества или въ болѣе интеллигентныхъ семьяхъ; — не получившія никакой охоты продолжать самообразование и самовоспитаніе по выходѣ изъ школы; — не способныя ни логически думать, ни правильно излагать свои мысли, при чемъ неровности стила и не женскій, а дѣтскій почеркъ — женскій почеркъ индивидуаленъ и красивъ, — выдаютъ зачаточное состояніе не только въ почеркѣ; — рисующія себѣ бракъ только въ смыслѣ личнаго счастья и мало понимающія его высокое общественное значеніе; — совершенно не подготовленныя къ высокимъ и отвѣтственнымъ обязанностямъ матери и воспитательницы дѣтей; — съ хаотическими взглядами на міръ и жизнь и плотскими, себялюбивыми житейскими аппетитами и поползновеніями, лишенными благородства; — не имѣющія собственнаго вкуса даже просто и красиво одѣться, а лишь по указамъ грубыхъ портнихъ и слѣдующія нелѣпостямъ тиранической моды; — поддуваемыя легкомысліемъ, кокетствомъ, расточаемымъ безъ смысла направо и налево въ перемежку съ птичьей болтовней и уже прошедшія современную школу растлѣвающего флирта; нерѣдко зараженныя предвкушеніемъ не только брачныхъ, но и виѣбрачныхъ, адюльтерныхъ наслажденій, которыя заранѣе рисуютъ ихъ воображенію современные романы; — лишенныя самой способности любить высокой, чистой и самоотверженной любовью — въ чистой любви половой

инстинктъ не сознаетъ себя и лишь смутно волнуется въ видѣ неопредѣленныхъ толчковъ подъ цѣломудренной оболочкой;—наконецъ, въ худшемъ случаѣ, прямо полу-дѣвы, чтобы не сказать больше или же дегенерантки съ неустойчивой личностью и зачатками нравственного вырожденія, преувеличеннымъ культамъ себя и совершенной неспособностью къ сознанию долга, подгоняемыя туда и сюда лишь волною эгоистическихъ инстинктовъ и капризныхъ настроеній, такъ какъ, лишеныя сознания долга, онѣ лишены вмѣстѣ съ тѣмъ и самообладанія.. Это ли тѣ дѣвушки и женщины, въ бракѣ съ которыми можно рассчитывать на преслѣдованіе высшихъ человѣческихъ идеаловъ? А такихъ едва ли не большинство въ современной Европѣ — лучшія остаются всегда въ меньшинствѣ.

Теперь поставьте рядомъ съ этими дѣвушками и женщинами юношей и мужчинъ; правда получившихъ лучшее образованіе и даже не чуждыхъ высшихъ идеаловъ, но осквернившихъ и ослабившихъ себя преждевременнымъ развратомъ. Гордый геній ихъ юношескихъ идеаловъ едва ли уже не поникъ и не опустилъ крыльевъ еще до брака. И если намъ говорятъ,—къ сожалѣнію подчасъ сами женщины—что дебоши и развратъ мужчинъ въ юности не составляютъ особой важности, такъ какъ знакомятъ съ изнанкой жизни, будто бы даже учатъ опыту жизни, то это одинъ изъ самыхъ злостныхъ предразсудковъ *). Хорошъ опытъ жизни, который основанъ на физическомъ и нравственномъ растлѣніи собственной личности и притомъ въ юношескомъ, неокрѣпшемъ возрастѣ. Опыту жизни можно учиться многими иными,

*) Такъ Христина Талеръ въ своемъ походѣ противъ автора известнаго романа „Одна за многихъ“ патетически восклицаетъ: „любовь юноши не болѣе, какъ чадъ; любовь же *опытнаго* мужчины—восторгъ души!“ Почтенная матрона, очевидно въ тайнѣ опасаящаяся какъ бы все этими новшествами и требованіями добрачнаго цѣломудрія не распугать жениховъ, пожалуй, и права... Много тайныхъ восторговъ можетъ дать иной *опытный* и сильный мужчина—юношѣ за нимъ не угоняться!—Это правда;—вотъ только жаль, что, говоря о бракѣ, она въ сущности думаетъ объ адюльтерѣ!

болѣ чистыми и менѣ опасными путями. Опыты же этого рода обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что молодые люди, преждевременно истощившись, садятся на мель, отдаются на буксиръ первыхъ встрѣчныхъ обстоятельствъ и, забывая о всякихъ убѣжденіяхъ и идеалахъ, готовы служить чему и кому угодно, лишь бы была возможность отдаваться старымъ привычкамъ и подкармливать грязнаго звѣря. Исторія европейскихъ обществъ убѣдительно свидѣтельствуетъ, что всякаго рода реакціи, беззастѣнчивыя спекуляціи, наглые аферы, циническія предпріятія и сомнительныя профессіи поддерживаются, прежде всего, цѣлой арміей замаскированныхъ приличной внѣшностью развратниковъ... Это ли тѣ юноши и мужчины, которые, женившись, станутъ культивировать, наслаждаться и развивать высшіе человѣческіе идеалы въ бракѣ?

Но не будемъ сгущать красокъ. Перейдемъ къ болѣе свѣтлымъ картинамъ и кстати вспомнимъ примѣръ Данте, который, послѣ смерти обоготворенной имъ, Беатриче велъ нечистую жизнь... Вознесенный силой поэтической фантазіи въ надземный міръ, онъ опускаетъ глаза, какъ ребенокъ, не будучи въ состояніи смотрѣть въ лицо своего божества. И только, омытый слезами стыда и раскаянія, осмѣливается онъ вступить въ райскія поля при вспыхивающихъ улыбкахъ звѣздъ, при ободряющемъ взорѣ самой Беатриче „*si bella e ridente*“. Далѣе вспомнимъ Гете въ лицѣ его Фауста, прошедшаго черезъ низменные круги „Вальпургіевой ночи“. Тѣмъ не менѣ оба поэта—правда какіе поэты!—не утратили способности служенія высшимъ идеаламъ.

Далеко не всѣ юноши, конечно, познакомившіеся съ половой жизнью до брака, тѣмъ самымъ уже становятся и развратниками. Есть такіе, которые, уступая рано развившемуся темпераменту, пылкимъ влеченіямъ страстной натуры или просто слѣдуя дурному примѣру товарищей, тоже прежде времени знакомятся съ половыми наслажденіями, тѣмъ болѣе, что легкость взгляда на добрачную половую жизнь мужской молодежи въ самомъ обществѣ какъ бы поощряетъ ихъ къ этому. Но вскорѣ они замѣчаютъ всѣ опасности пути,

на который ихъ увлекаютъ природа или товарищи. Они видятъ, какъ грязнятся уста, пошлѣетъ характеръ и какъ болѣетъ тѣло тѣхъ изъ ихъ сверстниковъ, которые особенно склонны къ половой распущенности. Въ особенности имъ претятъ тѣ низость и безсердечіе, до которыхъ доходятъ, въ поискахъ за половыми наслажденіями, ихъ товарищи, знакомясь съ содержанками или увлекая невинныхъ дѣвушекъ изъ простого класса. Не менѣе имъ претитъ видъ товарищей, ищущихъ свѣтскихъ знакомствъ и попадающихъ въ сѣти старѣющихъ Мессалинъ. Обыкновенно эти безгліивые юноши или изъ хорошихъ семей съ чистыми традиціями или сами по себѣ честныя натуры, рано подпавшія подъ хорошія литературно-общественныя вліянія или то и другое вмѣстѣ. Такіе юноши находятъ достаточно въ самихъ себѣ силъ, чтобы во время взять себя въ руки и обуздать свои инстинкты. И чѣмъ больше они учатся, чѣмъ развитѣе и сознательнѣе становятся, тѣмъ не воспріимчивѣе они къ заражающимъ вліяніямъ среды и товарищества. Такимъ въ концѣ-концовъ удастся миновать все подводные камни распутства и чистыми вступить въ бракъ, не смотря на утраченную невинность. — Но удастся ли имъ пронести черезъ бракъ и высшіе человѣческіе идеалы?

Здѣсь представляется много возможностей и каждая изъ таковыхъ въ значительной степени зависитъ отъ женщины.

Возьмемъ одну возможность. Высшіе идеалы, связанные съ условіями образованія и воспитанія, среды и момента, одинаково доступны и симпатичны обоимъ супругамъ, но въ натурѣ молодыхъ супруговъ есть разница. Онъ блестяще одаренный, высоко развитый, съ боевымъ, неукротимымъ характеромъ. Она не блещетъ внѣшними показными качествами, но подъ ея скромной наружностью скрываются прекрасныя свойства души. Вся ея мирная фигура, какъ бы обвѣянная просторомъ и спокойствіемъ полей, среди которыхъ она выросла, олицетворяетъ невинность, преданность, любовь, доброту. Но, увы! она человѣкъ долины. Ея мягкая, кроткая натура, напоминающая тихую лѣтнюю погоду,

боится всего, что может грозить ихъ личному счастью. Онъ мечтаетъ взобраться на высоту, гдѣ живутъ бури и великаны, опрокинувшіе столь многихъ смѣлыхъ на вѣчную гибель. Она не можетъ сочувствовать, не можетъ и не сочувствовать: она просто кротко смотритъ. Самая кротость этого взора налагаетъ на него незримыя, но тяжелыя цѣпи и, невольно ощущая ихъ тяжесть, онъ уныло шагаетъ по комнатѣ, какъ левъ, загнанный въ клѣтку... Ему ясно, что такой бракъ не для него и что высшіе идеалы не для такого брака. И онъ уходитъ молча, безповоротно, жестоко, — безжалостно покидая добродѣтельную, но скудную женщину долины къ изумленію всѣхъ, — съ которой иной такъ былъ бы счастливъ.

Возьмемъ другую возможность. Тотъ же юноша, или ему подобный, встрѣчаетъ родственную себѣ подругу. Такая же, какъ и онъ, блестящая, непоколебимая, героическая натура. Какъ радостно въ первый разъ встрѣтятся ихъ взоры и какъ мгновенно и самоотверженно они полюбятъ другъ друга. Все, что до сихъ поръ ихъ раздѣляло: пространство, время, обстоятельства, теперь имъ кажется какой-то иллюзіей, какимъ-то сномъ, предразсвѣтными сумерками, въ которыхъ они тщетно и долго отыскивали другъ друга. И что удивительнѣе всего, они давно предчувствовали другъ друга и долго ждали. Воодушевленные одной мыслью, одними идеалами, теперь они вмѣстѣ пойдутъ въ горы, подъ грозу и бури, подъ тяжелую длань великановъ. Они не разъ предпримутъ восхожденіе, не разъ потерпятъ крушеніе. Не разъ оглушаемые громовыми ударами, опрокидываемые горнымъ потокомъ, не разъ спасавшіеся какимъ-то чудомъ, они въ концѣ-концовъ вновь очутятся въ долинѣ въ жалкомъ и безпомощномъ видѣ. *Но дивный блескъ ихъ идеаловъ нисколько оттого не померкнетъ.* Мирные жители долины — плоскіе, но добродушные люди, — благодушно примутъ ихъ въ свое лоно, пріютятъ и укроютъ. Здѣсь они отдохнутъ и успокоятся. Переживъ періодъ героическихъ стремленій, залѣчивъ свои раны, они постепенно придутъ къ сознанію, что еще не все для нихъ потеряно. Пусть лично для нихъ пути на горныя высоты

будутъ заказаны. Но никто не закажетъ имъ мирной культурной работы въ долины. Они будутъ сѣять въ почву доброе сѣмя своихъ идеаловъ. Когда выростутъ ихъ дѣти и внуки — вмѣстѣ съ ними отродятся ихъ идеалы, обновленные свѣжимъ дыханіемъ новыхъ поколѣній. И среди этихъ заставовъ, заставъ ихъ собственного брака послужитъ живымъ примѣромъ органической передачи высшихъ идеальныхъ стремленій.

За этими двумя возможностями открывается цѣлый рядъ другихъ болѣе счастливыхъ возможностей. Супруги просто здоровые, честные, образованные, культурные люди. Они не ищутъ крутыхъ подъемовъ въ горы и, сознавая всю ихъ опасность, съ самаго начала остаются для мирныхъ работъ въ долины, для которыхъ они достаточно подготовлены. Бережно осмотрѣвшись и повѣривъ другъ другу свои чувства, они сознательно вступаютъ затѣмъ въ бракъ, видя въ немъ и въ семьѣ коренное условіе правильной дѣятельности для себя и для общества, залогъ общаго счастья и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно сознають, какую важную отвѣтственность возлагаетъ на нихъ бракъ не только передъ самими собой, но передъ обществомъ въ лицѣ ихъ дѣтей, потомства. Будучи здоровыми натурами, они руководствуются и здоровой любовью при выборѣ другъ друга — остальное имъ подсказываетъ здравый смыслъ, порядочность, образованіе. Они не сдѣлаютъ ошибки, если поставятъ себѣ за правило совѣтоваться съ опытнымъ, мыслящимъ врачомъ во всемъ, касающемся брака; — нѣкоторые это уже и дѣлаютъ. Бракъ, вѣдь не есть чаша однихъ любовныхъ наслажденій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и органическое лоно зачатія, вынашиванія, рожденія и воспитанія человѣка. Для того будущаго, еще ни въ чемъ неповиннаго человѣка, далеко не безразличны здоровье и прочія смежныя обстоятельства жизни его родителей. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы еще далеки отъ того, чтобы, вступая въ бракъ, сознавать, имѣемъ ли мы на это *органическое право*, т.-е. позволяетъ ли намъ вступать въ бракъ наше физическое и душевное здоровье, наша собственная наслѣдственность. Но время для выработки и

проведенія такого сознанія въ общество давно наступило: его торопятъ все болѣе и болѣе надвигающійся на Европу вопросъ о вырожденіи одинаково, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ слоевъ населенія. Все равно въ чемъ выражается это вырожденіе—въ увеличеніи психопатической преступности, алкоголизма, виртуознаго разврата, самоуслаждающагося босячества или въ проповѣди перековерканной нищенской философіи озвѣренія и декадентскаго искусства кровосмѣтельной эротоманіи—все это лишь различные полюсы одного и того же веретена, на всемъ этомъ одинаково лежитъ печать психо-органическаго разложенія и упадка. И вотъ тутъ-то пусть общество сознаетъ огромную важность самой первой и самой радикальной оздоровительной мѣры: *необходимость гигиеническаго отбора при вступленіи въ бракъ*, т.-е. отбора безусловно здоровыхъ лицъ для брака.

Вопросъ о *гигиеническомъ брачномъ отборѣ* не является только что испеченной новостью;—уже у первобытныхъ народовъ онъ практикуется въ инстинктивной формѣ. Къ сознанію его важности, какъ широкой оздоровительной общественной мѣры, едва ли не одновременно подошли натуралисты, врачи, представители науки объ обществѣ—соціологи, наконецъ, наиболѣе образованная часть остальнаго общества. По временамъ о немъ заходитъ рѣчь и въ медицинской печати, и на съѣздахъ врачей и въ обществѣ, но урывками, кое какъ, на скорую руку, отдѣльной же выдающейся работы, охватывающей вопросъ въ цѣломъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ ставила бы его на очередь, до сихъ поръ не было ни у насъ, ни на западѣ и, вѣроятно, еще долго не будетъ. Главнымъ образомъ это объясняется тѣмъ, что въ самой наукѣ, тѣсно связанный съ нимъ другой вопросъ—о *наслѣдственной передачѣ болѣзней*—далеко не можетъ считаться вполне разработаннымъ: открываются все новые и новые, подчасъ весьма поучительные факты. Тѣмъ не менѣе всякому мыслящему врачу вопросъ о гигиеническомъ отборѣ при вступленіи въ бракъ рисуется въ слѣдующихъ, вполне определенныхъ чертахъ: не только завѣдо-

мые алкоголики, психопаты, сифилитики, туберкулезные, эпилептики, прогрессивные мышечные и нервные паралитики, душевнобольные, не должны вступать въ бракъ, но и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ несомнѣнные для врача наследственные признаки этихъ болѣзней. Если же они заболѣли, уже находясь въ бракѣ и никоимъ образомъ нельзя ихъ лишить полового общенія, что въ особенности трудно по отношенію къ алкоголикамъ и прогрессивнымъ паралитикамъ начального періода, то слѣдуетъ женамъ такихъ больныхъ *предпринимать рѣшительныя предохранительныя мѣры противъ беременности—по указаніямъ врача.* Нѣсколько въ особомъ положеніи находятся рахитики. Какъ извѣстно, имѣющіе рахитическія уродства мужчины (горбуны) совершенно свободно вступаютъ въ бракъ и, повидимому, безъ особенныхъ послѣдствій для дѣтей,—между ними есть и врачи. Но дѣвушки съ рахитическими уродствами, въ особенности же съ рахитическимъ суженіемъ таза, даже не особенно замѣтнымъ на поверхностный взглядъ, должны по возможности воздерживаться отъ брака, такъ какъ имъ грозитъ опасность погибнуть при родахъ, не смотря даже на акушерскую помощь. Каждая изъ этихъ формъ можетъ передаваться или въ видѣ наследственного предрасположенія къ той же самой формѣ болѣзни (таковы въ отношеніи наследственной передачи туберкулезъ, рахитизмъ, алкоголизмъ, эпилепсія, прогрессивная мышечная атрофія) или къ другой (сифилисъ, передающійся не въ видѣ сифилиса же, а въ формѣ наследственныхъ пара-сифилитическихъ заболѣваній) или же въ видѣ общаго предрасположенія къ физическому и нервно-психическому вырожденію (таковы прогрессивный параличъ и всѣ вышеперечисленныя формы *). Перечень этотъ

*) Мнѣ самому случилось наблюдать семью, гдѣ пара-сифилитическія заболѣванія, — т.-е. не сами по себѣ сифилитическія, а косвенно, путемъ нарушенія питанія тканей, вызваннаго сифилисомъ, заболѣванія,—выразились у одного изъ наследственниковъ прогрессивной мышечной атрофіей, у другого прогрессирующей слѣпотой съ ранняго дѣтства.

далеко не полонъ, но онъ достаточенъ для общаго впечатлѣнія... Конечно, тотъ изъ супруговъ, который остается здоровымъ,—въ большинствѣ случаевъ здоровая мать,—можетъ до нѣкоторой степени обезвредить и улучшить плохія сѣмена болѣзненной наслѣдственности,—но при гигиеническомъ отборѣ вступающихъ въ бракъ лучше не соблазняться этими иллюзіями, которыя, какъ всякія иллюзіи, могутъ разлетѣться въ прахъ и породить совершенно неожиданные результаты.

Но, можетъ быть, спросять, гуманно ли насиловать чувство больныхъ людей, когда они влюблены? На это можно отвѣтить: — еще менѣе гуманно приносить въ жертву чувствамъ больныхъ людей будущность ихъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что и самыя чувства у большинства этого рода больныхъ далеко не могутъ быть признаны здоровыми. Такъ, напримѣръ, достаточно извѣстна необыкновенная, чисто болѣзненная влюбчивость... истеричекъ и психопатокъ, осаждающихъ своею любовью такъ называемыхъ знаменитостей, модныхъ корифеевъ искусства и литературы, извѣстна также ужасная, ни съ чѣмъ несравнимая по своему упорству и нелѣпой подозрительности, ревность, прогрессивность паралитиковъ и параноиковъ, которыхъ по началу принимаютъ за здоровыхъ. Иногда прогрессивный параличъ, мало замѣтный окружающимъ, именно начинается съ проявленія ничѣмъ не мотивированной ревности. Мнѣ приходилось наблюдать у одного изъ товарищей, у котораго болѣзнь началась прямо бредомъ ревности, при чемъ онъ заподозрѣвалъ жену, смѣшно сказать, въ безпрестанныхъ невѣрностяхъ, стоило только несчастной женщинѣ на минуту куда-нибудь отлучиться. Любопытно, что въ провинціи, гдѣ онъ жилъ, услужливыя кумушки поддерживали его въ этихъ безумныхъ подозрѣніяхъ, такъ что онъ, наконецъ, обратился ко мнѣ съ просьбой полѣчить его супругу отъ невѣрности гипнозомъ, нисколько не подозрѣвая, что лѣчиться нужно было ему, а не ей... Наконецъ, такъ называемый циркулирующій психозъ, круговое помѣшательство, выражающееся въ періодической смѣнѣ бредовыхъ идей и настроеній, то угнетеннаго,

то возбужденнаго характера, сопровождается или любовнымъ равнодушіемъ или влюбчивостію—иногда въ отношеніи одного и того же предмета страсти, иногда въ отношеніи многихъ:—что ни новый приступъ, возбужденіе, то новая любовь и признанія. Очевидно, у этого рода больныхъ и любовь большая, патологическая. Отсюда даже возникла—благодаря увеличенію нѣкоторыхъ психопатологовъ — *патологическая теорія любви*, рассматривающая вообще любовь не какъ нормальное состояніе, а какъ нѣкоторую одержимость, захватывающую всего человѣка, какъ своего рода навязчивую идею эмотивнаго, чувственнаго характера, къ которой приравнивается любимый образъ, вѣчно присутствующій и вѣчно волнующій... Ложность этой теоріи достаточно обнаружена Данвилемъ, который вполне доказалъ, что здѣсь произвольно допускается смѣшеніе,—проявленіе любви у больныхъ отождествляется съ ея проявленіемъ у здоровыхъ *). Тѣмъ не менѣе большая любовь больныхъ людей все-таки остается на своемъ мѣстѣ и едва ли можетъ вызывать у вполне здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, вполне сознающихъ положеніе больной стороны, что-либо большее, нежели чувство состраданія, съ примѣсью отвращенія и безразличности.—Въ не столь безнадежныхъ случаяхъ возможна, конечно, и отвѣтная любовь, но лучше было бы, если бы любовь совѣтъ не имѣла здѣсь мѣста или не имѣла, по крайней мѣрѣ, послѣдствій... ко благу потомства и остального человѣчества.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что не должны вступать въ бракъ лица, имѣющія такіе тѣлесные недостатки и уродства, которые граничатъ съ увѣчьемъ.

Практически гигиеническій отборъ сводится къ необходимости ввести брачныя свидѣтельства о здоровьѣ въ законодательно общественномъ порядкѣ, въ качествѣ общей государственной мѣры, и радикально преобразовать законы о

*) Danville. L'amour est il un état pathologique? *Revue philosophique*, Mars 1893, а также въ его книгѣ „La psychologie de l'amour“. Paris,—1894, Chapitre VI.

разводѣ, которые одинаково должны принимать во вниманіе, какъ органическія, такъ психическія и нравственныя условія брака и основываться на нихъ *).

Послѣднее замѣчаніе обращаетъ насъ къ мысли о другого рода подборѣ, непосредственно связанномъ съ гигиеническимъ, это—*біологическій отборъ* въ высокомъ значеніи слова, т.е. отборъ при вступленіи въ бракъ наиболѣе совершенныхъ представителей человѣческой расы, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. Выходя изъ этого положенія древнихъ, что „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“, мы невольно добавляемъ его тѣми соображеніями, что иногда наблюдаются примѣры, и вовсе не такъ рѣдко, когда не только здоровый духъ обитаетъ въ здоровомъ тѣлѣ, но и духъ совершенный, высоко развитый, всеобъемлющій, воплощается,—далеко, повидимому, не случайно,—въ совершенномъ, прекрасномъ тѣлѣ. Таковы, чтобы не трогать современности, историческіе примѣры Пифагора, Платона, Софокла, отчасти Перикла, Александра Македонскаго, Леонардо-да-Винчи, Гете и многихъ другихъ не столь прославленныхъ. Правда недавно появившійся въ Парижѣ трудъ нашего знаменитаго соотечественника И. И. Мечникова „*Etude sur la Nature humaine*“ (1903)**) нѣсколько разочаровываетъ насъ относительно человѣческаго совершенства, такъ какъ вся его книга испещрена описаніемъ дисгармоній и несовершенствъ въ различныхъ органахъ человѣческаго тѣла. Одни изъ этихъ дисгармоній болѣе или менѣе унаслѣдованы нами отъ нашихъ животныхъ предковъ и являются такъ сказать біологическимъ воспоминаніемъ о нашемъ далеко не высокомъ происхожденіи, другія же приобрѣтены самимъ человѣкомъ и приобрѣтены не совсѣмъ удачно—во вредъ ему, какъ органическій, такъ и моральный. Таковы, напр., по

*) На первыхъ порахъ достаточно, если родители, опекуны или сами вступающіе въ бракъ станутъ обоюдно требовать брачныя свидѣтельства о здоровьѣ, причемъ эти послѣднія должны выдаваться *незанимательсованными врачами*.

**) Готовится русскій переводъ.

миѣнію знаменитаго натуралиста, нѣкоторыя дисгармоніи въ строеніи половыхъ органовъ, исключительно свойственныя человѣку *). Тѣмъ не менѣе скрупулезный подсчетъ дисгармоній и несовершенствъ человѣческаго тѣла нисколько не помѣшалъ Мечникову остаться твердымъ и убѣжденнымъ оптимистомъ, передъ просвѣтленнымъ наукой и спокойнымъ взглядомъ котораго открываются отдаленныя перспективы будущаго органическаго и духовнаго совершенствованія человѣка.

„Передъ задачей человѣческаго назначенія,—говорить знаменитый натуралистъ,—человѣкъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что дала ему природа; необходимо, чтобы онъ вмѣшивался своей собственной дѣятельностью. Подобно тому, какъ онъ видоизмѣнилъ природу животныхъ и растеній, человѣкъ долженъ измѣнить свою собственную природу, чтобы сдѣлать ее болѣе гармоничной“.

„Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы получить новую породу, которая лучше удовлетворила бы нашему эстетическому чувству или была бы болѣе полезна человѣку, спеціалисты этого дѣла сперва представляютъ себѣ идеаль, котораго желательно имъ достигнуть. Потомъ они наблюдаютъ индивидуальныя особенности животныхъ и растеній, которыхъ хотятъ преобразить (*transformer*) и дѣлаютъ самый тщательный подборъ этихъ особенностей, чтобы ихъ закрѣпить. Идеаль долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ природой организмовъ, которые подбираютъ“.

„Чтобы измѣнить человѣческую природу, нужно точно также, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ идеаль, къ которому хотятъ примкнуть, послѣ чего слѣдуетъ пустить въ ходъ все средства, которыми располагаетъ наука, чтобы достигнуть этого результата“.

„Если идеаль, способный соединить людей въ своего рода религію будущаго, возможенъ, онъ не можетъ быть основанъ иначе какъ на принципахъ науки“.

*) Едва ли, впрочемъ, основательному для даннаго случая, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай сказать.

Біологическому отбору въ бракѣ—до сихъ поръ никто не касался практическихъ плановъ въ этомъ столь же важномъ, какъ и трудномъ вопросѣ, — я намѣренъ посвятить отдѣльную бесѣду.

Итакъ, возвращаясь еще разъ къ нашей главной темѣ, мы приходимъ къ заключенію, что взгляды на бракъ, какъ на нѣчто такое, въ чемъ, въ силу его природы будто бы скрывается причина гибели гордаго генія юности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшихъ человѣческихъ идеаловъ—подобный пессимистическій взглядъ совершенно не обоснованъ. Напротивъ, все говоритъ за то, что только бракъ,—бракъ въ широкомъ смыслѣ, — какъ естественное установленіе самой природы, какъ освященное любовью половое сліяніе избранныхъ существъ—есть мощное лоно для произрожденія, закрѣпленія и органической культуры высшихъ человѣческихъ идеаловъ, если не всегда въ личной судьбѣ, то въ судьбѣ будущихъ, болѣе счастливыхъ совершенныхъ потомковъ. Мы уже видѣли, что причины крушенія высшихъ человѣческихъ идеаловъ въ бракѣ,—вовсе не въ самой природѣ брака, а въ чемъ-то другомъ. Ближайшія изъ этихъ причинъ,—а ихъ много,— нравственно-половая испорченность, особенно достигшая уже степени органическаго клейма, и отсутствіе идеальныхъ стремленій въ добрачной жизни самихъ тѣхъ, кто вступаетъ въ бракъ. Далѣе, — не подходящій, ошибочный выборъ личности въ смыслѣ темперамента, характера, образованія, однимъ словомъ, въ смыслѣ органической и духовной индивидуальности,—предполагая даже, что обѣимъ сторонамъ не чужды идеальныя стремленія. Затѣмъ,—могучимъ тормазомъ брачной жизни не только въ смыслѣ обыкновеннаго житейскаго преуспѣянія, но и въ отношеніи преслѣдованія высшихъ идеаловъ,—является пренебреженіе требованіями гігіеническаго и біологическаго отбора при вступленіи въ бракъ, требованіями нравственно-половой гігіены въ самомъ бракѣ. И если съ требованіями гігіены, какъ узко практическими предписаніями врача, иногда еще кое-какъ мирятся, то мысль о томъ, что самая наша нравствен-

ность, этика есть не болѣе, какъ подхваченное культурою органическое показаніе самой природы для тѣхъ, кто, угадавъ смыслъ ея законовъ, пожелалъ бы имъ слѣдовать, соблюдая счастливое равновѣсіе между своимъ собственнымъ благомъ, благомъ своихъ ближнихъ и дальнихъ,—такая мысль недостаточно проникла въ сознаніе даже лучшей части общества. А между тѣмъ ясно, какъ день: безъ тѣлеснаго и духовнаго равновѣсія и здоровья супруговъ не достижимы ни личное счастье, ни высшіе идеалы;—для достиженія и того и другого природа повелительно требуетъ не дряблой слабости, а мощной силы.

Разборъ надъ - органическихъ, соціальныхъ причинъ, не находящихся въ непосредственной органической связи съ бракомъ, но иногда нисколько не менѣе — каковы, напр., экономическія условія,—разлагающихъ бракъ, или же создающихъ мучительное состояніе вынужденнаго безбрачія,—мы откладываемъ до послѣдующихъ бесѣдъ, тогда же мы подробнѣе разберемъ вопросъ объ адюльтерѣ, его формахъ и причинахъ. Сверхъ того мы посвятимъ отдѣльную подробную бесѣду столь важному въ настоящее время вопросу о половой жизни юношества и мѣрахъ воспитанія, затронутому здѣсь лишь попутно. На первый же разъ было бы достаточно уже и того, если бы юношество усваивало здравыя идеи о половой и брачной жизни, почерпая ихъ изъ надежныхъ источниковъ.

Всѣ эти причины и двигатели — въ особенности же тѣ изъ соціальныхъ двигателей, которые мы обобщимъ подъ именемъ экономическаго матеріализма, — то созидаютъ, то разрушаютъ брачныя формы, то содѣйствуютъ ихъ прогрессу и облагораживанію, то содѣйствуютъ ихъ регрессу и опошленію: однимъ словомъ, то ярко раздуваютъ факель брачнаго пламени, вознося его къ свѣтлому небу любви и счастья, то дымно и удушливо гасятъ его, опрокидывая въ темную бездну паденія!

IV. 6821

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ученіе о личности и настроеніяхъ. Выпускъ I-й, изданіе 2-е, дополненное. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.—Выпускъ II-й. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки эволюціи нашей художественной и публицистической критики. М. 1901. Ц. 60 к.

Живые вопросы текущей современности. М. 1901. Ц. 60 к.

Фаустъ и Мефистофель, какъ основные типы трагедіи общественныхъ настроеній. М. 1901. Ц. 50 к.

Новый взглядъ на природу любви и брака. М. 1901. Ц. 50 к.

Печатаются:

Ученіе о личности и настроеніяхъ Выпускъ III-й и IV-й.

Цѣна 40 коп.

прим
113

